ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЦЕНА 69 руб., 11.90 грн, 4900 бел. руб., 299 тенге

100 НАША ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ИМЕН

34

НИКОЛАЙ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

DeAGOSTINI

100 НАША ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ИМЕН

«Наша история. 100 великих имен»
Выпуск №34, 2010
Выходит раз в неделю

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция: ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

www.deagostini.ru

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-36786 от 3 июля 2009 г.

По всем вопросам, касающимся информации о коллекции, обращайтесь по телефону **бесплатной «горячей линии» в России:**

8-800-200-02-01

Адрес для писем читателей: Россия, 170100, г. Тверь, Почтамт, а/я 245, «Де Агостини», «Наша история. 100 великих имен». Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).
Распространение: ЗАО «ИД Бурда»

УКРАИНА
Издатель и учредитель: ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес: 01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ № 15613-4085Р от 08.09.2009 г.

По всем вопросам, касающимся информации о коллекции, обращайтесь по телефону **бесплатной «горячей линии» в Украине:**

8-800-500-8-400

Адрес для писем читателей: Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Наша история. 100 великих имен»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

БЕЛАРУСЬ
Импортёр и дистрибьютор в РБ:
ООО «РЭМ-ИНФО», г. Минск, пер. Козлова, д. 7г,
тел.: **(017) 297-92-75**
Адрес для писем читателей: Республика Беларусь, 220037, г. Минск, а/я 221, ООО «РЭМ-ИНФО», «Де Агостини», «Наша история. 100 великих имен»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая цена: 69 руб., 11.90 грн, 4900 бел. руб., 299 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить рекомендуемую цену выпусков.
Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 100 000 экз.

© ООО «Де Агостини» 2010

Текст: Александр Монвиж-Монтвид

ISSN 2076-7137

Дата выхода в России: 06.10.2010

В НОМЕРЕ

ПРОЛОГ 4

ЖИЗНЬ И ЭПОХА 6
- Неутомимый исследователь
- Строптивый ученик
- «Путешествие мое не совсем безопасно...»
- На остров мечты
- Там, где не ступала нога белого человека
- Возвращение Маклая
- Последние путешествия
- И один в поле воин

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОБЫТИЯ 20
- Открытие человека

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ 24
- Наука и политика

ИТОГИ 28
- Гражданин мира

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: РИА «Новости»; 3: РИА «Новости»; 6: (верх) Александр Овчинников/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС», (низ) РИА «Новости»; 7: (верх) EastNews/AKG, (центр) РИА «Новости», (низ) © Андрей Арестов/Фотобанк Лори; 8: (верх) РИА «Новости», (центр) EastNews/AKG, (низ) Архив изображений ДеА; 9: (верх) РИА «Новости», (центр) EastNews/AKG, (низ) Архив изображений ДеА/G. Dagli Orti; 10: (верх) © Topham Picturepoint/TopFoto, (центр) РИА «Новости», (низ) Архив изображений ДеА; 11: (все) РИА «Новости»; 12: (все) EastNews/AKG; 13: (верх) Архив изображений ДеА, (низ) РИА «Новости»; 14: (верх) РИА «Новости», (низ) EastNews/AKG; 15: (верх и центр) EastNews/AKG, (низ) Архив изображений ДеА; 16: (верх) EastNews/Fine Art, (центр) РИА «Новости», (низ) © Евгений Курлыкин/Фотобанк Лори; 17: (все) РИА «Новости»; 18: (все) EastNews/AKG; 19: (верх) РИА «Новости», (центр) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори, (низ) EastNews/AKG; 20: Архив изображений ДеА; 20/21: (на развороте) EastNews/AKG; 21: (все) EastNews/AKG; 22: (верх, обе) Архив изображений ДеА, (центр) EastNews/AKG, (низ) РИА «Новости»; 23: (верх) Архив изображений ДеА, (низ) Print Collector/HIP/TopFoto; 24/25: (все) РИА «Новости»; 26: (все) Архив изображений ДеА; 27: (верх) РИА «Новости», (низ) Архив изображений ДеА; 28: EastNews/AKG; 28/29: (на развороте) Архив изображений ДеА; 29: (верх) © Яков Филимонов/Фотобанк Лори, (низ) EastNews/AKG; 30: (верх) EastNews/AKG, (центр и низ) © Topham Picturepoint/TopFoto; 31: (все) РИА «Новости»; задняя обложка: © А. Маковский. Портрет члена Государственного Совета обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева (1827—1907). 1903. Холст, масло. 68,5х53. Ж-4027. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2010.

Николай Миклухо-Маклай (1846—1888)

«Кто твердо знает, что делать, — тот приручает судьбу».

НИКОЛАЙ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

НИКОЛАЙ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Человек с Луны

«Каарам тамо» — человек с Луны — так называли папуасы Новой Гвинеи русского исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая. И не только за бледную, «лунную», кожу. В мифологии папуасов лунные люди были их первопредками. Ученый подходил на роль мифологического персонажа: он обладал невиданным для туземцев могуществом и познакомил их со многими полезными предметами. Туземцы даже некоторое время считали, что Россия находится на Луне.

Но и для нас Миклухо-Маклай кажется совершенно необыкновенной личностью. Впечатляет уже один только перечень его научных профессий: зоолог, геолог, океанолог, антрополог, этнограф. А ведь он был еще неутомимым путешественником и общественным деятелем, отстаивавшим права коренного населения Новой Гвинеи. Задолго до века политкорректности Миклухо-Маклай провозглашал: «Все расы равны и обладают равными способностями».

А отпущено ему судьбой было чуть больше сорока лет.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1846	→	Родился 5 (17) июля в селе Рождественском Новгородской губернии.
1857	→	Смерть отца.
1863	→	Миклухо-Маклай поступает вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета.
1864	→	Исключение из университета, переезд для учебы в Германию.
1864—66	→	Обучение в Гейдельберге, Лейпциге, Йене.
1866	→	Путешествие в качестве ассистента Эрнста Геккеля.
1869	→	Путешествие по арабским странам. Занятия в Зоологическом музее.
1870—71	→	Плавание на корвете «Витязь».
1871—72	→	Первое путешествие в Новую Гвинею на Берег Маклая.
1873	→	Путешествие по Яве, Молуккским островам.
1874	→	Путешествие в глубь Новой Гвинеи, исследование Малаккского полуострова.
1875	→	Второе путешествие по Малаккскому полуострову.
1876	→	Путешествие в западную Микронезию и северную Меланезию.
1876—77	→	Второе путешествие на Берег Маклая.
1877	→	Переезд в Австралию. Организация зоологической станции.
1879—80	→	Путешествие по Меланезии.
1881	→	Проект Папуасского союза.
1882	→	Миклухо-Маклай возвращается в Санкт-Петербург. Аудиенция у Александра III.
1883	→	Последнее посещение Берега Маклая. Возвращение в Австралию.
1884	→	Женитьба на Маргарите-Эмме Робертсон. Рождение сына.
1885	→	Рождение второго сына. Оккупация Берега Маклая Германией. «Протестная» телеграмма Бисмарку от имени папуасов.
1886	→	Возвращение в Россию. Повторная аудиенция у Александра III. Проект русской колонии в Новой Гвинее.
1888	→	Умер 2 (14) апреля в Санкт-Петербурге. Похоронен на Волковом кладбище.

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Жизнь Миклухо-Маклая кажется порой бесконечной чередой экспедиций, лишь изредка прерывающихся из-за болезней. Он всегда стремился в самые неисследованные уголки мира, навстречу опасностям, на верную, как казалось многим, смерть. Но ученый неизменно возвращался...

СТРОПТИВЫЙ УЧЕНИК

Потомок казаков

Будущий великий путешественник появился на свет 5 (17) июля 1846 года в селе Рождественском, неподалеку от города Боровичи Новгородской губернии. Его род имеет казацкие корни. Прадед нашего героя, Степан Миклуха, отличился при взятии Очакова. Он первым ворвался в крепость с факелом в руках и позже, по ходатайству фельдмаршала Румянцева, был возведен Екатериной II в потомственное дворянство.

Отец будущего исследователя, инженер-капитан Николай Ильич Миклуха, руководил строительством одного из участков дороги Санкт-Петербург — Москва. Он, как впоследствии и его знаменитый сын, отличался гордым и независимым нравом, частенько вступая в конфликты с начальством. Позже Николай Ильич был назначен директором Петербургской пассажирской станции и вокзала, но был уволен с этой должности и едва не попал под суд за то, что переслал деньги угодившему в солдаты Тарасу Шевченко.

Его жена, Екатерина Семеновна (в девичестве Беккер), происходила из польской семьи. Ее отец, подполковник, был героем войны 1812 года, а братья, напротив, участвовали в польском освободительном движении. Известно, что Екатерина Семеновна придерживалась демократических взглядов — в частности, поддерживала дружеские отношения с семьей Александра Ивановича Герцена.

Николай был вторым из пяти детей. Мальчик рос болезненным — тем более удивительна его дальнейшая судьба. Помимо него, в историю вошли и двое его братьев: Михаил стал известным ученым-геологом, а Владимир, капитан первого ранга, командовал броненосцем «Адмирал Ушаков» и героически погиб во время русско-японской войны вместе с кораблем в Цусимском заливе, отвергнув предложение о сдаче.

В 1857 году умер Николай Ильич, и семья оказалась в сложном финансовом положении. (Забегая вперед, скажем, что безденежье преследовало нашего героя на протяжении всей жизни.) Детям пришлось обучаться в казенных учебных заведениях. Сначала Николай поступил в училище при Лютеранской школе святой Анны, но там ему не понравилось, и в 1858 году он оказался во второй петербургской классической гимназии, откуда, впрочем, по неизвестным причинам был исключен из шестого класса. Очевидно, его независимый характер проявился уже в эти годы.

Петербургский университет во второй половине XIX века.

Памятный знак на месте рождения Миклухо-Маклая.

Его университеты

В 1863 году Николай поступил вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета. Но и в его стенах юноша надолго не задержался. Он слишком увлекся политикой, участвовал в студенческих сходках и манифестациях и даже просидел трое суток в Петропавловской крепости. Весной 1864 года Николая изгнали из университета с «волчьим билетом», без права поступления в российские учебные заведения, — за то, что «состоя в числе вольнослушателей С.-Петербургского университета, неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц».

Для продолжения образования на собранные с трудом деньги наш герой переехал в Германию. Мать надеялась, что сын

овладеет там солидной профессией инженера, гарантирующей в будущем стабильный доход. Но Николай, никогда не отличавшийся практичностью и неоднократно повторявший, как глупо «зависеть от презренных грошей», избрал для себя философский факультет старинного Гейдельбергского университета.

Здесь он увлекся философскими концепциями Иммануила Канта и Артура Шопенгауэра. Особенно большое впечатление на него произвела кантовская этика. Знаменитому категорическому императиву, одна из формулировок которого гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему только как к средству», — Миклухо-Маклай следовал всю свою жизнь.

Иммануил Кант (1724—1804).

Гейдельбергский университет.

За границей наш герой жил в жесточайшей бедности. Временами он буквально сидел на хлебе и воде, а одежда его расползалась по швам («Мой черный сюртук почти совсем разлезается; оказывается, что, зашивая какую-нибудь дыру, нитка крепче сукна, и зашивать — это увеличивать дыру»). И, тем не менее, нищий студент пытался собрать деньги, чтобы выслать их ссыльному Чернышевскому! В эти годы Николай завязывает дружбу с князем Александром Мещерским (несмотря на громкий титул, таким же бедным студентом, как и он сам), которую они пронесли через всю жизнь.

Отучившись семестр в Гейдельберге, непоседливый студент перебрался в Лейпциг для изучения медицины — к радости матери, надеявшейся, что сын, наконец, решил получить «настоящую» профессию. Но ее радость была преждевременной. В Лейпциге Николай также не задержался и вскоре оказался в Йене, где занялся сравнительной анатомией и зоологией. Екатерина Семеновна негодовала на его занятия, которые «стоят денег, портят глаза и не приносят никому никакой пользы». В ответ Николай писал: «Я убежден, что докажу когда-нибудь вам, что вы очень ошибаетесь, считая мои работы бесполезными; доказывать словами не буду». Но мать не изменила своего мнения, даже когда сын сделался знаменитым.

В Йене в то время преподавал выдающийся естествоиспытатель Эрнст Геккель, специалист по беспозвоночным, автор знаменитого труда «Общая морфология организмов» и пропагандист дарвиновского учения. Вскоре 32-летний профессор обратил внимание на способного ученика из России и пригласил его ассистентом в научную экспедицию. Время путешествий начиналось...

СТРАННАЯ ФАМИЛИЯ

Фамилия Миклухо-Маклай довольно необычна для русского уха. Необычно и ее происхождение. Предками ученого и путешественника были запорожские казаки. Согласно легенде, Грицко Миклуха, воевавший в войске Богдана Хмельницкого, однажды захватил в плен шотландского рыцаря Мак-Лая (или Мак-Лея), служившего у поляков. Шотландец прижился в казачьей среде, принял православие и женился на сестре Миклухи. Отсюда и пошли Миклухо-Маклаи. Любопытно, что из того же клана Маклаев вышел знаменитый исследователь Африки Дэвид Ливингстон, а также ученый Уильям Маклей, с которым наш герой работал в Австралии.

Согласно более прозаической версии, вторая часть фамилии исследователя произошла от слова «малахай», или, по-местному, «махалай». У казаков, кроме фамилий, в ходу были прозвища. Возможно, один из предков Николая Николаевича носил такую шапку, за что и получил прозвище, сросшееся с фамилией.

Интересно, что Миклухо-Маклай стал подписываться двойной фамилией только в двадцатилетнем возрасте, уже живя за границей. Его отец, дед, прадед были просто Миклухами. Есть даже версия, что «Маклая» Николай придумал сам — в качестве экзотического псевдонима. Но это предположение весьма сомнительно, так как такую же двойную фамилию носили и его братья.

Музейно-гостиничный комплекс «Запорожская сечь» на острове Хортица.

«ПУТЕШЕСТВИЕ МОЕ НЕ СОВСЕМ БЕЗОПАСНО...»

Первые экспедиции

В 1866 году двадцатилетний Миклухо-Маклай отправился в свое первое путешествие. Помимо него и Геккеля, в экспедиции участвовал швейцарский студент Герман Фоль. Сначала исследователи отправились на остров Мадейра, а затем переправились на Канарские острова. Здесь они совершили нелегкое восхождение на пик Тенерифе. Основная же часть работы прошла на небольшом, пустынном, открытом всем ветрам острове Лансароте, где ученые прожили четыре месяца. Они страдали от обилия насекомых. Педантичный Геккель подсчитал, что за месяц он убил 6000 блох! Основной задачей Миклухо-Маклая было анатомирование морских губок. В качестве дополнительной работы он изучал рыб. Здесь им был открыт новый вид губок гуанча бланка, названный так в честь коренных жителей Канарского архипелага.

Эрнст Геккель (справа) и его ассистент Н. Миклухо-Маклай.

Закончив исследования, путешественники переправились в Марокко. Геккель отправился в Европу, а Миклухо-Маклай с Фолем совершили пеший и довольно опасный (местные жители европейцев не любили) поход в глубь этого султаната. А на следующий год наш герой в сицилийской Мессине вместе с зоологом Антоном Дорном изучал морские организмы в их связи со средой обитания. Пытался он записаться и в полярную экспедицию шведского ученого Норденшельда, но получил отказ.

Много времени Миклухо-Маклай проводил в естественнонаучных музеях по всей Европе, слушал лекции, встречался с выдающимися учеными. Знаменитый Томас Гексли писал о нем: «Миклухо-Маклай был здесь; я достаточно близко его узнал и был поражен его замечательными способностями и энергией».

Среди арабов

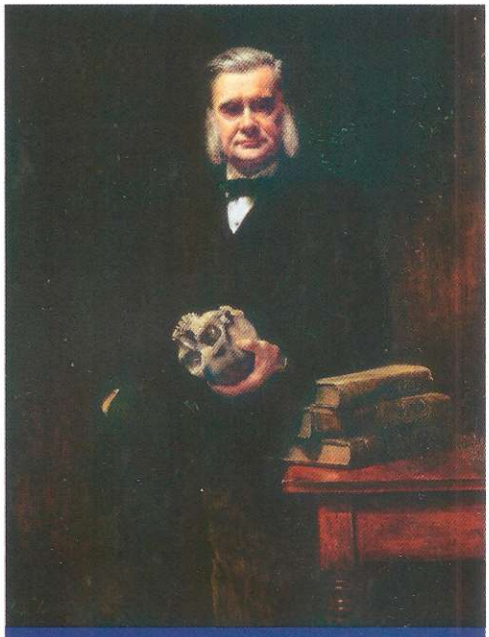
В 1869 году молодой ученый высадился в Суэце, чтобы на свой страх и риск и на собственные, совсем небольшие, средства исследовать берега Красного моря. К европейцам тут относились недоброжелательно. Пришлось прибегнуть к маскировке: Миклухо-Маклай побрил голову, выкрасил лицо, надел арабскую одежду и выучил несколько фраз на арабском языке. Научные приборы он тщательно прятал. Впрочем, недостаток пищи, болезни, загар вскоре сделали путешественника вполне похожим на местных жителей, терпящих постоянную нужду.

Опасности и трудности этой экспедиции описаны Николаем Николаевичем в письме к брату: «Путешествие мое не совсем безопасно. В Джидду наезжает тьма арабов, отправляясь в Мекку; в это время они особо фанатичны и, кроме того, приезжают из таких стран, которые обыкновенно не терпят столкновений с европейцами». И далее: «Страшная жара и нездоровый, в особенности для приезжающих, климат — все эти обстоятельства с прибавкой самых скверных и неверных путей сообщения, с моим незнанием арабского языка... делает мою экскурсию зависимой от случая».

Остров Тенерифе.

Миклухо-Маклай очень интересовался жизнью местного населения. Его поразили и возмутили рынки рабов, продолжавшие процветать и в эту, казалось бы, просвещенную эпоху. «Рынки невольников, несмотря на запрещение, находятся под носом у египетских властей», — негодовал он.

Завершив исследования и собрав уникальную коллекцию фауны Красного моря, Миклухо-Маклай, изнуренный лихорадкой и цингой, без копейки возвратился в Россию. Проведя немного времени в Крыму и даже



Томас Гексли (1825—1895).

Морские губки и кораллы.

ЭТИ ЗАГАДОЧНЫЕ ГУБКИ

Наверное, каждому из нас доводилось видеть губок, морских или пресноводных. Но что мы о них знаем? Долгое время, до середины XIX века, ученые даже не могли решить, считать ли их животными, однако, в конце концов, признали за ними этот статус. Когда-то морские губки использовались для гигиенических целей. Это название закрепилось в языке: и теперь искусственные принадлежности для мытья мы зовем губками.

Размеры одиночной губки невелики, до 3 сантиметров, но их колонии бывают до полутора метров величиной. Губки не имеют обособленных органов, составляя единый организм. Они не реагируют на внешние раздражители. Если губку измельчить, буквально стереть в порошок, то ее клетки, помещенные в воду, снова могут сформировать полноценное животное!

Миклухо-Маклай занимался изучением морских губок лишь в начале своего научного пути, но немало успел на этом поприще. В конце латинских названий многих губок, особенно обитающих в северных морях, встречается имя автора их описания — Miclucho-Maclay.

не успев толком подлечиться, он отправился на Волгу изучать мозг хрящевых рыб. Дальнейший его путь лежал в Петербург.

Отказ от академической кабалы

«Маленький, нервный человек, постоянно страдавший лихорадкой», — таким увидел нашего путешественника князь, ученый

Невольничий рынок в Каире. Середина XIX века.

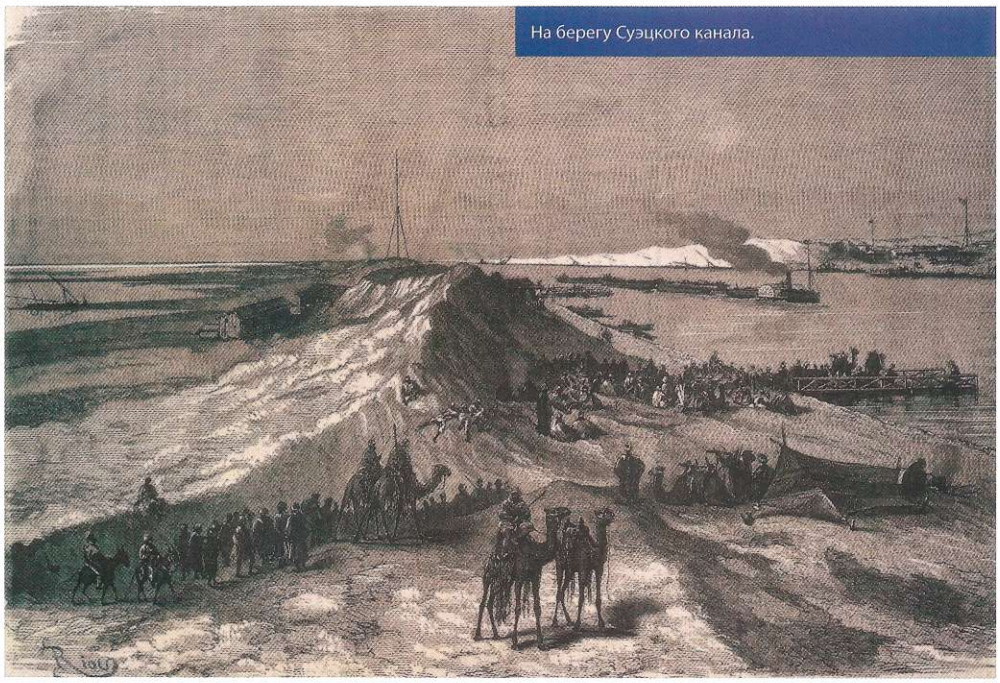
и революционер Петр Кропоткин. В Москве и Санкт-Петербурге Миклухо-Маклай сделал доклады о своих исследованиях. Он агитировал ученых и власти создавать морские биологические станции: «Характер работ в этой отрасли знания существенно изменился за последнее десятилетие. Изучение фауны мало-помалу перенеслось из кабинетов, музеев, зоологических садов в естественные обиталища животных, где они могут быть наблюдаемы в естественной обстановке».

Исследователь знакомится с ведущими российскими учеными и, в том числе, с академиком Карлом Бэром, биологом, антропологом, географом. Престарелый ученый стал, можно сказать, его научным руководителем. Именно нашему герою Бэр доверил исследовать собранную им коллекцию морских губок. В общей сложности о губках Миклухо-Маклай написал четыре статьи. Не прекращал он и исследования по сравнительной анатомии рыб, смело вступая споры с ведущими мировыми авторитетами, не исключая Геккеля и Бэра.

Казалось бы, научная карьера складывалась успешно. Со временем Миклухо-Маклай наверняка заработал бы себе вес в ученом мире, получил бы кафедру, но... его мятежный дух требовал другого. «Закабалять себя кафедрою, связать с каким-нибудь захолустьем, хотя бы и Петербургом, — на то у меня не было и не будет никогда желания», — писал он позже Мещерскому. К тому же ученый не любил обрабатывать свои результаты для печати, описывать их, предпочитая «живые» исследования.

Миклухо-Маклай давно мечтал о путешествии на тихоокеанские острова. Но если сначала он собирался продолжить там изучение беспозвоночных и рыб, то теперь увлекся антропологией, которая, как наука, тогда только формировалась.

Российское географическое общество с недоверием относилось к планам молодого ученого. Ему предложили исследовать фауну русской северной части Тихого океана и выделяли для этой цели 1200 рублей. Миклухо-Маклай не пошел на это: «Хотя получение суммы 1200 р. мне было бы приятно, но я с удовольствием откажусь от нее, если ее получение идет наперекор разрешению моих научных задач... Я им не изменю ради нескольких грошей, если бы даже гроши превратились в рубли». Учитывая вечную бедность нашего героя — мужественное заявление. Он продолжал настаивать и вскоре добился своего.



На берегу Суэцкого канала.

НА ОСТРОВ МЕЧТЫ

В Новую Гвинею!

Российское географическое общество формально возглавлял великий князь Константин Николаевич, но фактически решение об экспедиции Миклухо-Маклая должен был принимать адмирал Федор Петрович Литке. Поначалу он не доверял молодому исследователю: «Нам должно быть осторожными с этими бедовыми людьми, с учеными, к которым принадлежит господин Миклухо... Какой его авторитет в науке?» При личной встрече старый адмирал изменил свое мнение. К тому же на него повлияла позиция Бэра, Семенова и других выдающихся ученых. И Литке согласился ходатайствовать о принятии Миклухо-Маклая на борт русского военного судна, отправляющегося в южную часть Тихого океана.

Капитан «Витязя» Павел Николаевич Назимов (1829—1902).

Географическое общество составило для путешественника обширную программу исследований в различных областях науки. На экспедицию было выделено 1350 рублей (правда, этих средств не хватало толком даже на приборы). Гексли, Геккель и другие европейские ученые помогли запастись картами и рекомендательными письмами к консулам и судовладельцам. А вот великая княгиня Елена Павловна, наслушавшись рассказов о Миклухо-Маклае от великого князя Константина Николаевича, подарила ему для путешествия... шезлонг.

8 ноября 1870 года корвет «Витязь» под командованием будущего адмирала Павла Николаевича Назимова вышел из Кронштадта. «Жизнь на военном судне и с такими субъектами, как Назимов, не особенно приятна, однако ж возможна», — писал Миклухо-Маклай Мещерскому во время остановки в одном из портов. По пути судно посетило Таити, остров Пасхи, Самоа, Чили. Ученый нигде не сидел сложа руки. Так, например, он занимался измерением океанских глубин и сумел доказать несостоятельность популярной в то время теории Александра Гумбольдта о понижении температуры воды по мере приближения к берегу.

На Самоа Миклухо-Маклай нанял двух помощников: бывшего китобоя, а ныне портового бродягу, шведа Ульсона (об этом он впоследствии сильно жалел) и полинезийского подростка Боя. 19 сентября 1871 года «Витязь» бросил якорь в заливе Астролябии на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Назимов и другие офицеры считали, что при состоянии здоровья Миклухо-Маклая (он много болел в плавании) высаживаться на остров и оставаться там равносильно самоубийству. Ученый придерживался иного мнения.

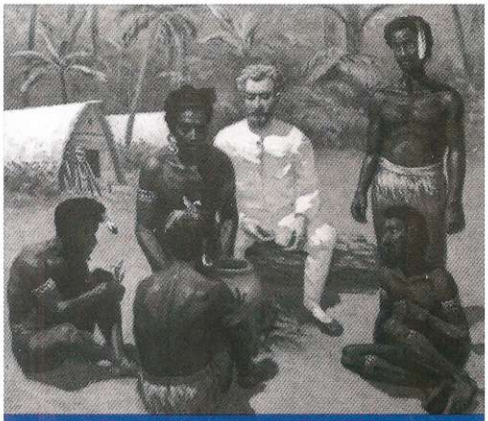
Среди дикарей

Первые контакты с папуасами давались тяжело. Они боялись белых пришельцев, несмотря на то, что наш герой приходил к ним без оружия и с подарками. И все же Маклай (так он представлялся аборигенам) сумел познакомиться, а потом и завязать дружбу с одним из них, по имени Туй. Тот вместе с сыном и еще двумя папуасами даже посещал «Витязь». Матросы поставили для ученого дом, названный им мысом Уединения. Дом находился в стороне от деревень местных жителей — исследователь не хотел никого стеснять, а собирался только наблюдать чужие жизнь и обычаи.

Райские птицы, символ Новой Гвинеи.

Когда Туй понял, что Маклай решил поселиться среди папуасов, то сообщил ему, что жители соседних деревень скорее всего убьют его, когда уйдет корабль. Путешественник сделал вид, что не понял его предостережения. Моряки же отнеслись к этому серьезнее. Они расчистили лес вокруг

Опоссум.


Миклухо-Маклай среди папуасов.

хижины и заложили несколько мин, которые наш герой мог взорвать в случае необходимости. 27 сентября «Витязь» поднял якорь. Маклай с Боем и Ульсоном остались на острове.

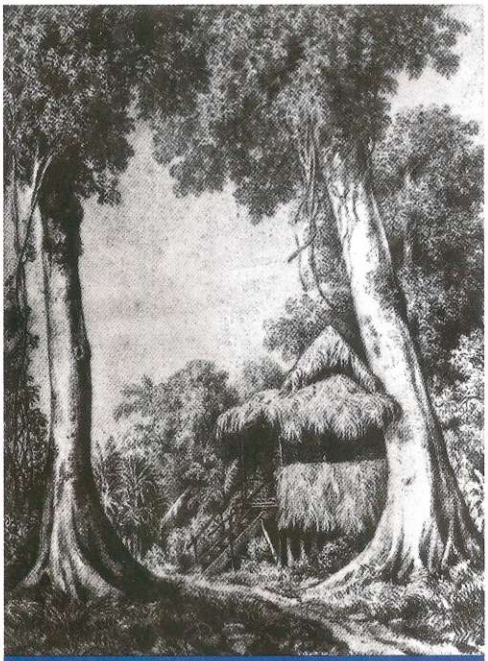
Для знакомства с туземцами Николай Николаевич отправился в ближайшую деревню, Горенду. Оружие он решил не брать. Папуасы встретили его враждебно. В грудь ученого были направлены копья, а над головой просвистело несколько стрел. Маклай проявил небывалую силу воли — он снял ботинки и улегся спать. Причем не притворялся спящим, а действительно уснул на несколько часов! Так путешественник продемонстрировал свои добрые намерения и то, что не боится смерти. Когда он проснулся, то жители уже были без оружия. Маклай обулся и спокойно отправился домой. После этого случая тамо-рус (русский человек) завоевал среди папуасов огромный авторитет.

Маклай работал один, почти без помощников. Главными качествами Ульсона, если верить дневникам исследователя, были трусость и лень. Бой же вскоре заболел и умер. Ученый тяжело переживал потерю, однако, не забывая об интересах науки, хотел сохранить мозг и череп мальчика. (Кстати сказать, он собирал черепа папуасов, которые почему-то сохраняли только нижнюю челюсть умерших, и писал, что в случае смерти хочет, чтобы его собственный череп присоединился к этой коллекции.) Ульсон был в ужасе. Когда туземцы стали спрашивать о Бое, не хотевший врать, но и опасавшийся сказать правду Маклай перевел разговор на другую тему. Он показал фокус с горящим спиртом, что дало повод туземцам думать, будто тамо-рус может поджечь море. Про Боя они больше не спрашивали.

Ученый старался наблюдать за жизнью аборигенов, не вмешиваясь в нее, однако при этом выполнял и роль просветителя. Он дарил им семена культурных растений, лечил больных, учил пользоваться простейшими орудиями труда. Его слава росла, к тамо-русу приезжали даже жители отдаленных деревень, приплывали с других островов. Однажды перепуганный Ульсон разбудил Маклая посреди ночи. Он увидел группу людей с факелами и подумал, что те собираются напасть на них. Николай Николаевич спокойно вышел из хижины и поинтересовался, что нужно пришедшим. Оказалось, туземцы просто праздновали богатый улов и спешили угостить своего гостя.

Уважение, которое питал Маклай к обычаям папуасов, демонстрирует такой случай. В одной из хижин он увидел неизвестного зверя, «кускуса», являющегося разновидностью опоссумов. Ученому очень хотелось забрать животное для исследования. Он предложил хозяину обменять «кускуса» на нож, но тот смущенно объяснил ему, что дети будут плакать, если останутся без мяса. Маклай предпочел уйти ни с чем.

Для исследований ученому требовались образцы волос туземцев, но просто срезать волосы было бы для них оскорблением. Он стал менять пучки своих волос на волосы папуасов. Обмен казался им приемлемым. Увлекшийся Маклай потерял на этом значительную часть своей пышной шевелюры и бороды.


Хижина Миклухо-Маклая в Новой Гвинее.

Со временем состояние здоровья исследователя ухудшилось. Его почти постоянно била лихорадка. Порой он ослабевал настолько, что не мог ходить, но все равно буквально выползал из хижины, чтобы сделать необходимые замеры и наблюдения. Прибывший 12 декабря 1872 года русский клипер «Изумруд» застал его совсем изможденным. При этом ученый еще колебался, стоит ли ему сейчас покидать Новую Гвинею? (Некоторые моряки решили, что от перенесенных тягот «робинзон» повредился рассудком.) В конце концов, Маклай решил уехать, но обещал своим новым друзьям обязательно вернуться.

«ПОЧЕМУ Я ВЫБРАЛ НОВУЮ ГВИНЕЮ»

В 1871 году Миклухо-Маклай написал статью «Почему я выбрал Новую Гвинею», в которой попытался обосновать странный, едва ли не безумный с точки зрения большинства коллег, выбор места для исследований. Жить бок о бок с дикарями-каннибалами, да еще в местах, где свирепствует лихорадка, там, где не ступала нога белого человека, — это ли не самоубийство?

«Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии... — объяснял ученый. — Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание». Миклухо-Маклай подчеркивал, что при столкновении с европейцами туземные народы исчезают или, по меньшей мере, теряют самобытность. Новая Гвинея же, второй по величине остров мира, оставалась к тому времени, как ни странно, почти не исследованной.

Думается, была и еще одна причина. Наш герой не только никогда не боялся опасностей, но и шел им навстречу, словно бросая вызов судьбе. Он стремился сделать то, что не делал до него никто другой. Новая Гвинея казалась ему достойным вызовом и широчайшем полем для его деятельной натуры.

ТАМ, ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Батавия в XIX веке.

Воскресший из мертвых

«Изумруд» не зря спешил к месту высадки Маклая. В середине 1872 года все газеты мира облетела весть о гибели русского ученого, переданная будто бы немецкими и английскими мореплавателями. Версии его смерти разнились. В одних изданиях указывалось, что путешественник скончался от болезней, другие же утверждали, что он убит и съеден дикарями! «По последним сведениям, г. Миклухо-Маклай скончался в Новой Гвинее от злокачественной лихорадки. Было бы очень желательно, чтобы кто-либо из знавших покойного составил его биографию. Г. Миклухо-Маклай — редкий тип мучеников науки, пожертвовавший жизнью для изучения природы», — сообщал «Кронштадтский вестник». Позже наш герой собрал целую коллекцию немало позабавивших его некрологов.

Географическое общество очень тревожилось за его судьбу (а также за судьбу его научных исследований). Если нельзя было спасти ученого, то следовало хотя бы сохранить собранные им коллекции и записи. Миклухо-Маклай складывал их в специальный тайник, местоположение которого сообщил офицерам «Витязя». Какова же была радость моряков «Изумруда», нашедших его живым и невредимым!

На острове Сулавеси.

Слава Миклухо-Маклая к тому времени приобрела мировой характер. Воскресшего из мертвых ждали в европейских столицах, чтобы устроить ему почетную встречу. Но возвращение в Европу пока не значилось в его планах. Он собирался исследовать другие острова, выяснить степень родства их жителей с папуасами и провести многие другие изыскания. «Моим исследованиям и путешествиям я не предвижу еще конца и не предполагаю вернуться в Россию ранее нескольких лет», — писал он великому князю Константину Николаевичу, а в письме к Мещерскому признавался, что ему «не придется жить более в Европе».

Наслышаны о путешественнике были и местные царьки. Так, султан Тидорский назвал своего сына «султан Маклай» и подарил ученому (на этом острове еще сохранялось рабство) папуасского мальчика Ахмата, ставшего для Николая Николаевича почти что сыном и верным спутником в путешествиях.

Даже на борту корабля Миклухо-Маклай не знал отдыха, наскоро приводя в порядок свои записи. А небольшие стоянки в портах использовал для новых исследований. На Филиппинах он отправился с проводником в горы и провел несколько дней среди негритосов — исчезающего племени, судьба которого его очень тронула.

В Батавии (ныне Джакарте) генерал-губернатор Явы пригласил русскую знаменитость в свою резиденцию в Бейтензорге (что переводится как «беззаботный), отличавшуюся относительно здоровым климатом. Здесь Миклухо-Маклай прожил полгода, поправляя здоровье, работая над статьями и старательно избегая светского общества. Врачи настаивали, чтобы он бросил путешествия, но ученый уже задумывал новую экспедицию...

Туземная лодка.

Среди людей леса

Миклухо-Маклай решил исследовать голландскую часть Новой Гвинеи. Местное население терпело много бед от малайцев, а затем и от голландцев. Но и те, и другие опасались показываться на берегу, называемом Папуа-Ковиай, где, по слухам, обитали свирепые людоеды. Наш же герой, разумеется, собрался именно туда. Ведь быт, культура папуасов сохранялись там в наиболее нетронутом виде.

Разбив лагерь у мыса Айва, ученый направился в глубь страны, где обнаружил неизвестное озеро с интересными особенностями изменения уровня воды, исследовал фауну, наблюдал за неизвестными до сих пор науке племенами. А тем временем на маленькое поселение в Айве напали горные папуасы и жители соседних островов, учинив резню и грабеж.

Вернувшись, Маклай не оставил это нападение безнаказанным. Узнав, что зачинщиком нападения является «капитан» (местный вождь; «военные» звания они получали от малайцев) острова Мавары, путешественник в сопровождении всего лишь двух папуасов отправился к нему. Тот находился в окружении своих людей, но, тем не менее, дрожал от страха. Маклай заявил «капитану», что он подлежит наказанию, после чего приказал помощникам связать вождя. Этому никто не посмел воспротивиться. Разбойника наш герой передал голландским властям, одновременно сообщив о преступлениях малайских купцов и работорговцев: «Беззакония процветают беспрепятственно. Для меня было бы большим удовлетворением, если бы эти несколько строк могли содействовать хоть некоторому облегчению печальной участи туземцев».

Мангровый лес.

Едва оправившись от очередной болезни, которая едва не свела его в могилу, Маклай собрался исследовать Малаккский полуостров. Его привлекали загадочные «оран-сакаи», люди леса. Рассказывали, что эти карлики живут в непроходимых лесах и поражают врагов отравленными стрелами.

Во время этого путешествия пришлось пробираться через почти непроходимые мангровые заросли, идти по пояс в воде, кишевшей крокодилами, ехать на слонах. Ситуация осложнялась враждой местных раджей (исследователь прошел по семи владениям, и со всеми царьками требовалось договориться). Чтобы найти оран-сакаев, он пересек полуостров дважды и все-таки добился своего. «Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений и посетил почти все их селения», — с удовлетворением отмечал Николай Николаевич.

Интересно, что ученый не обнародовал всех сведений об экспедиции, объясняя это так: «Малайцы, доверявшие мне, имели бы совершенное право назвать такой поступок шпионством... поэтому не ожидайте найти в моих сообщениях что-либо касающееся теперешнего "статус-кво" — социального или политического — Малаккского полуострова...» Другими словами, он опасался, что его информацию используют колонизаторы.

В эти же годы Миклухо-Маклай посещает Сиам (Тайланд), совершает путешествия по Микронезии, Меланезии, исследует остров Целебес (Сулавеси)... После поездки по Меланезии на карте появились новые названия — Отшельник и Шашечница (архипелаг из 50 мелких островков).

Ученый не переставал заботиться об аборигенах. Во время одного из своих путешествия по островам он включил в контракт с капитаном шхуны особый пункт, согласно которому «капитан обязуется не производить никаких репрессий в случае, если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов». Не забывал он и об антропологии. Другой пункт упомянутого контракта гласил: «В случае смерти г. Миклухо-Маклая капитан обязуется доставить его заспиртованную голову в Петербург».

Русский мореплаватель Отто Евстафьевич Коцебу (1788—1846).

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Сенявин, Римский-Корсаков, Хромченко, Суворов, Беринг, Румянцев, Чичагов — всё это названия островов и архипелагов Тихого океана. А архипелаг Туамоту имеет второе название: острова Россиян. Откуда же на картах появились русские имена?

В начале XIX века русские корабли стали активно осваивать Мировой океан, совершать кругосветные путешествия. Первое русское кругосветное плавание прошло в 1803—1806 гг. под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна. В 1813—1815 гг. состоялась экспедиция Михаила Петровича Лазарева. Отто Коцебу в 1815—1818 и 1823—1826 гг. возглавлял походы на кораблях «Рюрик» и «Предприятие»... В этих плаваниях исследовались, в том числе, многочисленные острова и проливы Микронезии, Меланезии, Полинезии. Вновь открытым объектам давались имена наших выдающихся соотечественников — в первую очередь, мореплавателей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКЛАЯ

Старые знакомые

Летом 1876 года исследователь возвратился на Берег Маклая (за этим местом уже закрепилось данное название). Но наука теперь не была единственной целью. «Я держу слово и возвращаюсь в Новую Гвинею не единственно как естествоиспытатель, а также как и "покровитель" моих черных друзей Берега Маклая... решился защищать, насколько могу, их правое дело: их независимость в случае европейского вторжения (которого неминуемое следствие — гибель туземцев)», — открыто заявлял ученый в письме, адресованном Географическому обществу, — к неудовольствию некоторых его членов.

Теперь Маклай был для папуасов уже практически своим. Его больше не боялись женщины и дети (в первый приезд они прятались при его появлении, и, чтобы они успели это сделать, он заранее оповещал о своем приходе в деревни). Его приглашали на различные церемонии, свадьбы и похороны. К нему приходили за советом и лечением. Все это давало богатейший этнографический материал.

Тем не менее, исследователя поджидала масса опасностей. Однажды ему сообщили, что два человека из дальней деревни Горима, по именам Малу и Абуи, собираются его убить и завладеть его вещами. Маклай один и без оружия отправился в эту деревню и сказал, что он никому в деревне не сделал зла, а сейчас устал и хочет спать. Если же Малу и Абуи хотят его убить, пусть поторопятся. После этого он спокойно уснул. Наутро пристыженные «террористы» принесли ему в знак примирения свинью и проводили ученого до дома.

Вера в могущество Маклая у папуасов была очень велика. Его презрение к опасности навело их на мысль о бессмертии тамо-руса. Однажды папуас Саул спросил у исследователя, может ли тот умереть. Наш герой оказался в затруднительном положении. Врать туземцам он принципиально не хотел, но нежелательным было и подрывать их веру в себя. Путешественник взял копье, протянул Саулу и предложил: «Посмотри, может ли Маклай умереть». Папуас в ужасе отказался от такого эксперимента.

Миклухо-Маклай после одного из путешествий.

Иногда Николаю Николаевичу приходилось выступать и в роли миротворца. Летом 1877 года война между горными папуасами и жителями побережья казалась неизбежной. В деревне Горенда умерло двое молодых людей, и папуасы, в соответствии с местными поверьями, обвинили в колдовстве своих давних неприятелей. Туземцы даже упрашивали Маклая погубить их противников с помощью чародейства. Тот решил предотвратить войну и заявил: «Если вы будете воевать, случится беда», — не поясняя, что за беду имеет в виду. И война не состоялась.

Когда в ноябре 1877 года Маклай собирался уезжать, он попросил, чтобы к нему прибыли представители всех окрестных деревень. Ученый считал своим долгом предупредить папуасов, чтобы они не доверяли белым людям, которые, скорее всего, вскоре прибудут с плохими намерениями. Он советовал при приближении корабля немедленно уводить детей и женщин в горы, а самим — остерегаться чужестранцев. Маклай знал, о чем говорил. В те годы под различными предлогами туземцев часто заманивали на корабли и увозили в рабство. Местные жители умоляли его остаться, а когда увидели, что его решение непреклонно, обещали в точности исполнять его советы.

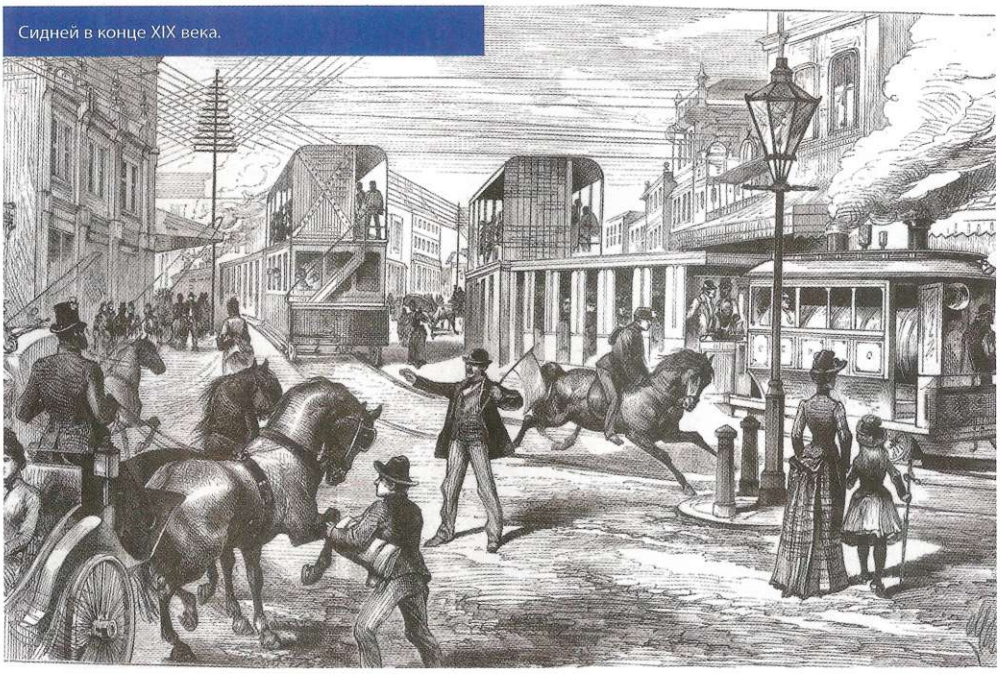
Группа новогвинейских папуасов.

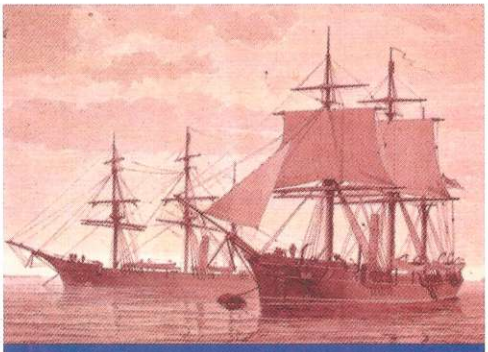
На зеленом континенте

В начале 1877 года ученый прибыл в Сингапур — он сильно болел и был обременен огромными долгами. Российское географическое общество исправно печатало его известия, но помогать материально не спе-

шило. Позже по призыву итальянского ботаника и путешественника Беккари в России по подписке собрали 4500 рублей для Маклая. Это позволило вызволить из лап банкиров и ростовщиков многие коллекции, хранившиеся у них в качестве залога.

На этот раз Миклухо-Маклай чувствовал себя настолько плохо, что согласился на уговоры врачей хотя бы ненадолго покинуть тропики и уехать в Австралию. Переезд пошел на пользу. Если до него путешественник был так истощен, что весил всего 45 килограммов, то в Австралии быстро «набрал» вес — до 58 кг. Сначала русское посольство выделило ему комнату, а затем его пригласил в свой дом богатый зоолог-любитель Уильям Маклей.


Сидней в конце XIX века.


Парусник в порту.

Впрочем, ученый не собирался отдыхать. «Я с наслаждением воспользовался возможностью работать. Чувство, которое я испытывал, было весьма похоже на чувство голодного, наконец находящего случай попробовать ряд любимых блюд». Он делал антропологические наблюдения над австралийскими аборигенами и, возвращаясь к прежним занятием, исследовал мозг рыб. В Сиднее ему удалось организовать единственную в южном полушарии биологическую станцию. Вскоре Австралийский музей выделил ученому лабораторию, его избрали в члены Линнеевского естественноисторического общества. Но в цивилизованном обществе Николай Николаевич чувствовал себя не слишком уютно. «Приходится говорить по-английски, что мне всегда было неприятно, — признавался он. — Благодаря разным английским газетам, которые меня сперва похоронили, а потом возвестили о моем воскрешении из мертвых, все стараются познакомиться со мною, что доставляет изрядную скуку».

Вскоре пронесся слух, что Австралийский союз собирается захватить восточный берег Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай немедленно встал на защиту папуасов и отправил протест «высокому комиссару ее британского величества» Артуру Гордону: «Я решил возвысить голос во имя прав человека... и привлечь Ваше внимание к опасности, которая угрожает уничтожить навсегда благополучие тысяч людей, не совершивших иного преступления, кроме принадлежности к другой расе, чем наша, и своей слабости». В это же время он вынашивал проект Папуасского союза, который призван был объединить людей разных племен в некое подобие единого государства.

СМОТР НЕВЕСТ

Личность Миклухо-Маклая, несмотря на его невыдающиеся внешние данные, притягивала женщин. Ученого пытались очаровать и европейские девушки, и туземные красавицы. Однако женился он уже ближе к концу жизни.

Папуасы многократно хотели женить Маклая, надеясь, что тогда он навсегда останется у них. Они предлагали ему много невест, на что Николай Николаевич серьезно отвечал, что женщины много шумят, а он любит тишину и уединение.

В дневнике путешественник описывает один из таких случаев: «Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако, так темно, что нельзя было ничего разобрать. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто лег на них. Недоумевая и удивленный смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто лег рядом со мной. Я не ошибся; но как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою; и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мной лежала женщина. Убежденный, что эта оказия была делом многих и что тут замешаны папаши и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошеной гостьи, которая все еще не выпускала моей руки. Я быстро соскочил с барлы и сказал: "Ни гле, Маклай нангели авар арен"». Последнее выражение в переводе означает: «Ты ступай, Маклаю женщин не нужно».

Однажды для тамо-руса устроили настоящий смотр невест, собрав красивейших девушек со всех деревень, но он оставался непреклонен. При этом Миклухо-Маклай неоднократно говорил, что отдает предпочтения туземкам как более откровенным и естественным по сравнению с европейскими девицами, воспитанными в показной скромности.

Танец женщин Новой Гвинеи.

ПОСЛЕДНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

В гостях у людоедов

В марте 1879 года на борту американского промыслового судна «Сэди Ф. Келлер» Миклухо-Маклай пустился в новое путешествие по тихоокеанским островам. «Из Сиднея я отправился на острова Меланезии. Путешествие продолжалось больше года и было в высшей степени интересным», — сообщал он матери.

Русский географ П. П. Семенов-Тян-Шанский (1827—1914).

На островах Адмиралтейства ученый провел некоторое время среди настоящих каннибалов и даже присутствовал на их людоедском пиршестве. Он узнал, что особенно ценятся среди них сердце, мозг и печень жертвы. Головы же съеденных выставлялись напоказ. Выяснилось, что дикари по какой-то причине не употребляют мяса светлокожих людей. При этом в повседневной жизни исследователь нашел их обычными людьми, отнюдь не лишенными добрых чувств.

Первоначально путешественник хотел посетить и Берег Маклая, но, присмотревшись к команде корабля, изменил решение. «От зловония в каютах можно, однако же, избавиться, оставаясь большинство времени на палубе, воду можно фильтровать и варить, но избавиться от болтающих чепуху, пьянствующих, свистящих, поющих (проще говоря, воющих) и т. п. двуногих на всяком судне нелегко и часто невозможно. Я могу и научился выносить многое, но общество т. наз. "людей" мне часто бывает противно, почти нестерпимо», — объяснял он в письме к сестре. Приплыть с такими гостями к своим друзьям Николай Николаевич не желал.

Вскоре по возвращении в Австралию Миклухо-Маклай узнал, что против одной новогвинейской деревни, где убили миссионеров, собирается карательная экспедиция. Во время подобных акций жители зачастую истреблялись поголовно, а деревни сжигались дотла. Наш герой поехал к предводителю экспедиции, коммодору Вильсону, и убедил его не наказывать всех. В результате казнен был только один человек — за совершенное им убийство, а собирались покарать все селение. «За миссионерами непосредственно следуют торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодеяния цивилизации едва ли уравновешиваются уменьем читать, писать и петь псалмы...» — с горечью писал исследователь после этого случая.

Миклухо-Маклай перед очередной экспедицией.

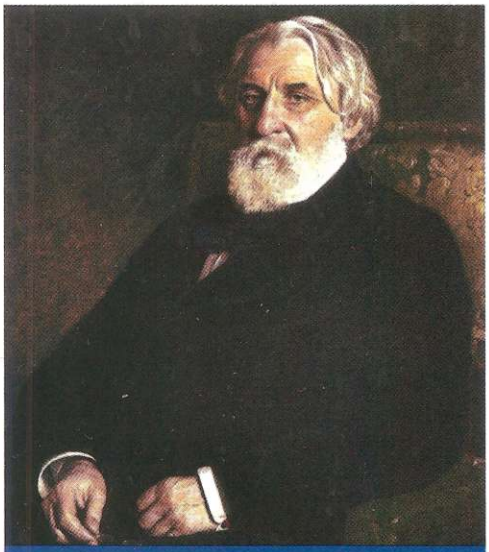
В Европу

В 1882 году, воспользовавшись прибытием русской эскадры, ученый вернулся на Родину. «Сегодня мы встречаем нашего энергичного, талантливого путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая», — приветствовал его вице-президент Географического общества П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тян-Шанский). Маклай отвечал тихим голосом, без эмоций, иногда с трудом подбирая слова (сказывались 12 лет странствий, во время которых

Побережье Австралии в районе Сиднея.

он практически не общался на родном языке), но слушали его, затаив дыхание.

Восторженный прием ожидал путешественника и в Москве. Он тогда писал: «Вчера состоялось чтение в Обществе любителей естествознания в зале Политехнического музея, что на Лубянке. Народу было около или более 700. Губернатор, митрополит, два архиерея и т. д., и т. д. присутствовали. Давка из дверей была страшная. Наконец, толпа без билетов ворвалась... Чтение сошло с моей стороны удовлетворительно... Мне присуждена большая золотая медаль Общества любителей естествознания и т. д. В воскресенье я принял обед, который дают мне профессора и другой ученый люд московский. Я принял



Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883).

под условием: дать мне бифштекс, молоко и не заставлять говорить». Миклухо-Маклай по-прежнему не любил светских мероприятий: «Мое правило — ложиться в 9 часов вечера — избавляет меня от скуки принимать приглашения на обеды или вечера».

Большой дворец в Гатчине.

УЧЕНЫЙ ИЛИ АВАНТЮРИСТ?

Еще при жизни Миклухо-Маклая многие соотечественники, среди которых было немало «кабинетных» ученых, обвиняли его в шарлатанстве. Они называли Николая Николаевича «недоучившимся студентом, решившим поиграть в Робинзона», ставили под сомнения его научные достижения. Свою роль играло и то, что путешественник писал довольно мало научных статей, а значительная часть его бумаг сгорела во время пожара в Сиднее.

Те, кто считает Миклухо-Маклая авантюристом, припоминают ему и попытки воздействовать на политику в тихоокеанском регионе, и проекты организации русской колонии в Новой Гвинее, и покровительство папуасам (в фельетонах его называли «туземным царьком», «тихоокеанским помещиком»), и даже фамилию. Ведь путешественник в разных документах фигурировал порой и как барон Маклай, и как Николай фон Миклухер. А иногда называл себя тамо-боро-боро, начальником папуасов.

Разумеется, без авантюрной жилки невозможно было пережить столько приключений, сколько пережил наш герой. Но в эти, с обывательской точки зрения, авантюры он пускался не просто так, а всегда или с научными целями, или во имя справедливости, не получая взамен ничего, кроме болезней и долгов. Если Дон Кихота можно назвать авантюристом, тогда авантюрист и Миклухо-Маклай.

В конце года в Гатчинском дворце ученого принял сам Александр III. Эта аудиенция имела тот положительный эффект, что решился вопрос с огромными долгами нашего героя и изданием его трудов (Географическое общество, увы, было сильно стеснено в средствах). Однако вмешиваться в тихоокеанские дела ради защиты папуасов, как того хотел Миклухо-Маклай, император не стал. У России хватало в это время других забот.

Покинув Россию, Миклухо-Маклай посещает Германию, Англию, Францию. Он читает доклады, встречается с учеными (Рудольфом Вирховом, Гексли и другими) посещает в Париже Ивана Сергеевича Тургенева, с которым познакомился еще в юности. А затем, захватив в качестве подарков для своих друзей с Берега Маклая некоторых животных и семена полезных растений, вновь отправляется в южные широты.

Короткое семейное счастье

27 февраля 1884 года в жизни Миклухо-Маклая произошло важнейшее событие. Он женился. Его невеста, Маргарита-Эмма Робертсон, была дочерью Джона Робертсона, бывшего премьер-министра колоний Нового Южного Уэльса.

Сэр Джон противился этому браку. «Рита бедная не знает, кого слушаться, меня или отца своего, которого она очень любит и который не особенно дружественно смотрит на нашу свадьбу... — писал Николай Николаевич брату Михаилу. — Я не думал никогда, что такое простое на вид дело, как взять жену, сопряжено будет для меня с такою кучею хлопот, неудобств и помех разного рода». У привыкшего к уединению ученого были и свои опасения: «Я искренне надеюсь, что наука от этого не пострадает».

Для брака из-за разного вероисповедания потребовалось царское соизволение. «Требуется разрешение государя для моей женитьбы на протестантке по протестантскому обряду», — телеграфировал наш герой в Петербург. К разочарованию сэра Джона Александр III не возражал. «Пусть его женится хоть по папуанскому обычаю, только бы не мозолил глаза», — отреагировал он.

Юрий Соломин в роли Миклухо-Маклая и Людмила Титова в роли Маргарет Робертсон в фильме «Берег его жизни».

Брак оказался очень удачным. «Я понимаю теперь, что женщина может внести истинное счастье в жизнь человека, который никогда не верил, что оно существует на свете», — признавался Маклай. В конце года в семье появился на свет первенец, Александр-Нильс, а следом за ним — Владимир-Аллан. К сожалению, семейному счастью был отпущен недолгий срок.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

От имени папуасов

Последний визит ученого на Берег Маклая в марте 1883 года получился грустным. Многие из старых друзей, в том числе Туй, умерли. Туземцы, после посещения этих мест британским комиссионером Ромильи, стали относится к белым людям настороженнее. Впрочем, Маклаю здесь всегда были рады. Некоторые папуасы «прислонялись к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия...» На этот раз путешественник провел в местах, ставших почти родными, всего несколько дней. Он передал подарки и спросил у туземцев, согласятся ли они предоставить ему один из островов, если он захочет там поселиться. Обрадованные аборигены отвечали утвердительно.

Между тем тучи над Берегом Маклая, как и над другими местами Новой Гвинеи и сопредельных островов, сгущались. Для колонизаторов Англии, Голландии, Германии эти земли казались лакомым кусочком. Их участь была предрешена, но Миклухо-Маклай едва ли не в одиночку пытался предотвратить неизбежное. Он сносится с Александром III, немецким канцлером Бисмарком, английским премьер-министром Гладстоном, не говоря уже о министрах и колониальных чиновниках, разрабатывает проект Папуасского союза. Невероятно, но факт: благодаря деятельности одиночки, не наделенного никакими официальными полномочиями и не имеющего громких званий, были сорваны две колониальные экспедиции, а захват Новой Гвинеи отсрочен на несколько лет!

Новая Гвинея. Толпа папуасов.

Наибольшая опасность исходила от Германии. «Германский флаг в Тихом океане, — писал Миклухо-Маклай, — прикрывает самые бессовестные несправедливости, как кражу и обман в отношении туземцев, невольничество и жестокости на плантациях, систематический грабеж туземных земель и т. п. Ни одно преступление белого человека против черных не было до сих пор наказано германским правительством... Германское правительство до сих пор имело обыкновение делать своими официальными представителями, консулами — рабовладельцев и бессовестнейших эксплуататоров туземцев».

Увы, Берег Маклая стал именно германским. А руководил экспедицией, поднявшей здесь немецкий флаг, ученый Отто Финш. Он много общался с нашим героем в Австралии, стараясь узнать как можно больше как о жизни папуасов, так и о его с ними отношениях, а потом, чтобы облегчить захват, вероломно использовал эти сведения, выдавая себя за брата Маклая (между прочим, помимо имени, он присвоил и некоторые научные результаты тамо-руса). Захваченная область получила название Земли императора Вильгельма.

Узнав об этом, взбешенный Миклухо-Маклай послал телеграмму Бисмарку: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию». Написал ученый и Александру III: «Принужденный несправедливым захватом Германиею Берега Маклая в Новой Гвинее, я послал сегодня утром телеграмму князю Бисмарку... Осмеливаюсь надеяться, что Ваше императорское величество одобрит этот шаг... и всепокорнейше прошу о даровании туземцам Берега Маклая российского покровительства, признав его независимым». Этот призыв услышан не был.

Карикатура на Бисмарка, захватывающего берег Новой Гвинеи. На заднем плане — протестующий Миклухо-Маклай.

«Считать дело конченым»

Вернувшись в Россию, Миклухо-Маклай вновь добивается аудиенции у царя. Он считает, что еще не все потеряно, что можно организовать русскую колонию если не на Берегу Маклая, то на ближайших островах. Для рассмотрения этого предложения была создана специальная комиссия.

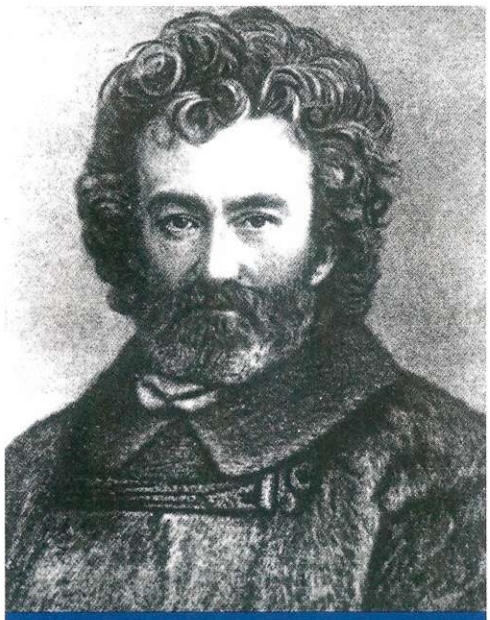
Обгоняя события, ученый начинает набирать добровольцев для переселения. Многие встретили призыв знаменитого путешественника с энтузиазмом. За короткое время набралось более 2000 желающих! Среди них встречались люди самых разных общественных слоев со всех концов империи (от Польши до Кавказа) — от крестьян до обедневших дворян, от студентов до офицеров. Кандидаты буквально осаждали дом, где поселился ученый. Казалось, еще немного, и можно будет собираться в путь, но...

«Считать это дело конченым. Миклухо-Маклаю отказать», — начертал Александр III на проекте. Августейшее решение поставило крест на мечте нашего героя и нанесло ему тяжелейший удар. Наверное, на то были веские политические и эконо-

мические причины, но, как отмечал путешественник, «кроме русских, есть еще общечеловеческие интересы, которые должны становиться делом просвещенных и гуманных правительств». «Никакое решение комиссии, ни даже высочайший отказ не повлияют на мое решение поселиться на острове Тихого океана, хотя и изменят образ осуществления моих планов...» — записал он в дневнике. Однако ни средств, ни здоровья для воплощения задуманного уже не было.

Вскоре ученый вынужден был сообщить через петербургские газеты: «Согласно моему обещанию и ввиду того, что я все еще продолжаю получать письма и телеграммы от желающих переселиться на острова Тихого океана, — число этих желающих значительно превышает 2000, — я должен заявить, что основание русской колонии в Тихом океане пока состояться не может по обстоятельствам, от меня совершенно не зависящим...»

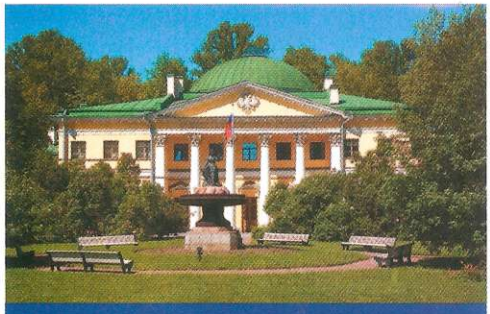
За последний год Миклухо-Маклай резко постарел, даже подряхлел. Перенесенные лишения и многочисленные болезни давали о себе знать. «Он сильно похудел, характерное лицо его покрылось морщинами. Только тогда, когда он начинает говорить о своем береге и его обитателях, голос его крепнет и глаза, уныло перебегающие с предмета на предмет, внезапно оживают», — описывал ученого один из посетивших его журналистов.



Один из последних портретов Миклухо-Маклая.

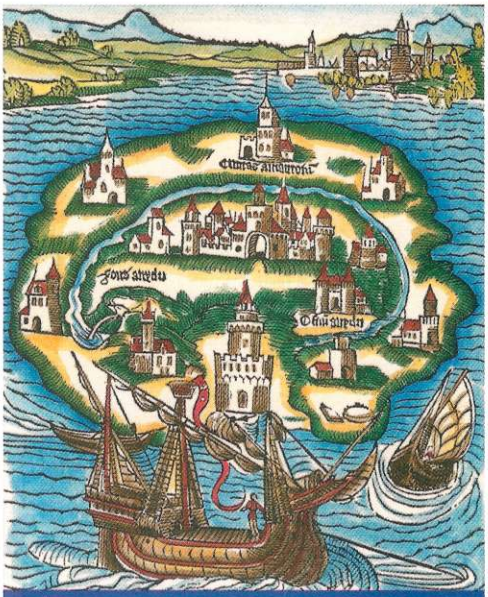
В сыром петербургском климате обострились старые болезни, к ним добавились и новые. Миклухо-Маклай продолжал напряженно работать. Он успел завершить обработку своих дневников. Вскоре ученый уже не мог писать и целыми днями диктовал свои заметки. Маргарита-Эмма разрывалась между больным мужем и двумя маленькими детьми.

Последние месяцы жизни Миклухо-Маклай провел в клинике при Военно-медицинской академии, до самой смерти продолжая диктовать второй том записок о путешествиях. Ученый надеялся вернуться к активной жизни, но перед его многочисленными болезнями спасовал даже знаменитый доктор Боткин. 2 (14) апреля 1888 года Миклухо-Маклай скончался. Его похоронили на Волковом кладбище Санкт-Петербурга. На траурной церемонии друг покойного профессор Василий Иванович Модестов сказал: «Мы хороним человека, который стяжал себе всемирную славу... самоотверженной преданностью науке и самой редкой энергией. Он открывал неведомые страны, изучал никем не виденные народы. Перед его воображением были открыты постоянно самые широкие горизонты, среди которых могли бы проявиться ум и деятельность человека, и для его железной воли не представлялось ничего невозможного... Миклухо-Маклай прославил наше отечество в самых отдаленных уголках мира... Его имя останется навсегда в летописях человечества, как имя одного из редких людей, появлявшихся на земле». На могиль-



Военно-медицинская академия в Санкт-Петербурге.

ной плите по желанию вдовы выбили 6 букв «N.B.D.C.S.U.» — «Nothing But Death Can Separate Us» («Только смерть может разлучить нас»).



Титульный лист первого издания «Утопии» Т. Мора.

БЕРЕГ РУССКОЙ УТОПИИ

Проект русской колонии на Берегу Маклая был, конечно, своеобразной утопией. Мечты о свободной, сытой, справедливой жизни без произвола властей, продажных чиновников и жадных торгашей возникали у людей издавна. Такой земной рай казался вполне осуществимым и даже существующим где-нибудь в дальних странах. Так возник остров Утопия, придуманный Томасом Мором в XVI веке. Топоним вскоре приобрел нарицательное значение .

Известно, что Миклухо-Маклай в юности увлекался идеями социалистов-утопистов — в частности, Н. Г. Чернышевского. Его проект русской колонии, демократически управляемой и самодостаточной, во многом опирался на них. «Колония составляет общину и управляется старшиною, советом и общим собранием поселенцев, — писал он в проекте. — Ежегодно вся чистая прибыль от обработки земли будет делиться между всеми участниками предприятия соразмерно их положению и труду». Аналогичные представления были и у потенциальных колонистов. «Для бедных, но честных и мыслящих тружеников, желающих устроить жизнь на новых началах, без золотого кумира, самое лучшее средство — это переселение хотя бы на необитаемые, но производительные острова Океании», — сообщал ученому один из добровольцев, крестьянин Киселев.

«При выборе места для колонии принять во внимание следующие условия: хороший морской порт, порядочный климат, здоровая еда, плодородие почв», — отмечалось в проекте. Но разве не на своем папуасском берегу наш герой жестоко страдал от тропических болезней? Похоже, Миклухо-Маклай представлял не реальные острова, а место своей мечты, свою утопию, прекрасную, но недостижимую.

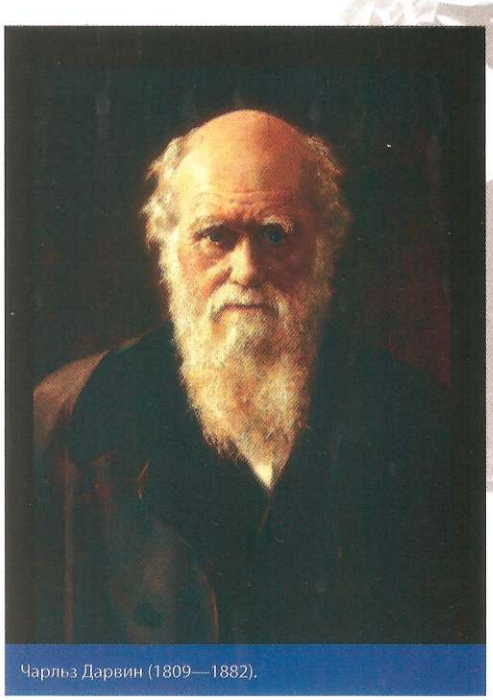
ОТКРЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Середину XIX века можно назвать временем открытия человека. Если раньше исследователи в своих экспедициях уделяли основное внимание географии и геологии, флоре и фауне, то теперь их все больше начинала интересовать жизнь «диких» племен. В те же годы велись бурные споры о происхождении человека и его месте в мире, раскалывавшие общества на непримиримые лагеря.

Споры о происхождении

В 1859 году великий английский ученый Чарльз Дарвин опубликовал книгу «Происхождение видов», а в 1871 году вышел в свет его труд «Происхождение человека». В первой излагалась теория эволюции и естественного отбора. Во втором же говорилось о происхождении человека от обезьяноподобных предков. Эти сочинения буквально взорвали научный мир, расколов общество на два непримиримых лагеря. В полемике участвовали и люди, очень далекие от биологии. Демократически настроенные молодежь и интеллигенция приняли новую теорию восторженно. Со стороны консерваторов и Церкви гремели проклятия.

Отголоски этой борьбы слышатся до сих пор, и преподавание теории эволюции в школе то и дело подвергается весьма ожесточенной критике. А словосочетание «обезьяний процесс», возникшее, когда один американский учитель попал под суд за изложение дарвиновской доктрины ученикам, стало нарицательным. Интересно, что и сторонники, и противники эволюционной теории происхождения человека зачастую упрощают и вульгаризируют ее, сводя к неграмотной формулировке «человек произошел от обезьяны».



Чарльз Дарвин (1809—1882).

Казалось бы, идея происхождения человека от общих обезьяноподобных предков должна была нанести удар по расизму. Но вышло наоборот. Находились горе-последователи Дарвина, которые утверждали, что некоторые расы находятся на низшей ступени развития и являются как бы переходными звеньями на пути от обезьян к людям. Они считали, что со временем неполноценные расы обречены на вымирание. «Не есть ли такое воззрение, столь мало соответствующее принципам естествознания, измышление части англо-американцев, необходимое для успокоения их собственной совести?» — вопрошал Карл Бэр. Подобные взгляды впоследствии стали питательной почвой для фашизма. Это предвидел и Миклухо-Маклай, излагая в письмах возможные чудовищные последствия таких теорий.

В то же время развился и социал-дарвинизм, адепты которого распространяли принцип «выживает сильнейший» на человеческое общество. Отражением этой те-

Немецкая экспедиция в Новой Гвинее.

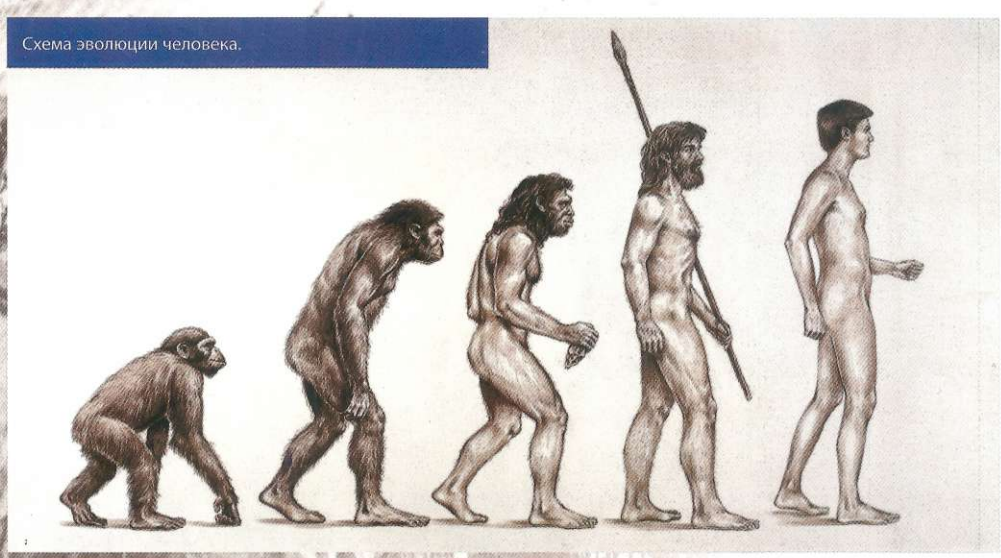


Схема эволюции человека.

ории является дикий капитализм, исповедующий принцип «борьбы всех против всех». Один из главных критиков социал-дарвинизма, Петр Кропоткин, в статье «Взаимопомощь как фактор эволюции» в качестве контраргумента утверждал, что в человеческом обществе взаимопомощь гораздо естественнее конкуренции.

В ученом сообществе также не было согласия по отношению к эволюционным теориям. Если брать учителей и старших коллег Миклухо-Маклая, то Геккель и Гексли являлись убежденными дарвинистами, в то время как Бэр относился к взглядам Дарвина критически, считая, что они, как минимум, требуют более надежных опытных подтверждений. То, что Миклухо-Маклай находился под влиянием идей дарвинизма, кажется несомненным. Но был ли он настоящим сторонником этой теории — остается под вопросом. Русский ученый всегда предпочитал наблюдения теоретизированию. В частности, в процессе исследований он подчеркивал, что Дарвин порой преувеличивал черты сходства человеческих рас.

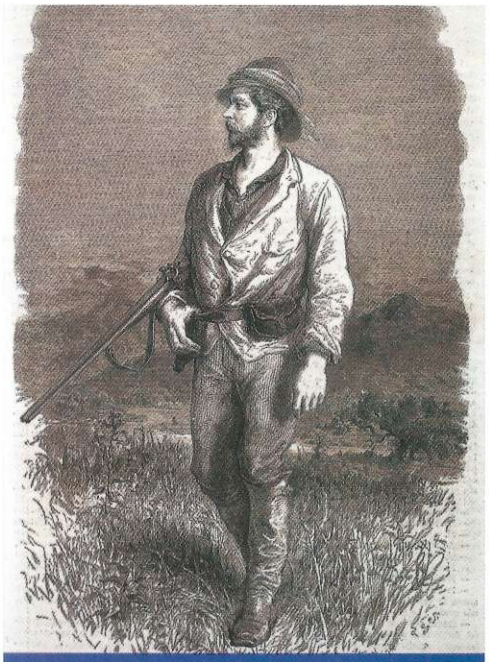
Великие путешествия

В XIX веке на земном шаре еще оставалось немало неисследованных уголков. Ученые спешили заполнить эти белые пятна. Но они, помимо изучения географии, флоры и фауны таких мест, все большее внимание уделяли коренным жителям, их обычаям и верованиям. Кто-то придерживался позиций более или менее беспристрастного наблюдения, а кто-то пытался добиться изменений.

Среди великих путешественников выделяется фигура Дэвида Ливингстона, шотландского врача и миссионера, отдавшего жизнь изучению южной части Африки. Читая его биографию, поражаешься, как много общего у него с Миклухо-Маклаем. Как и его русский коллега, Ливингстон говорил, что «лучшая гарантия безопасности — достойное поведение», а главным при общении с туземцами считал искренность. Лучшим же средством против лихорадки он признавал активную деятельность.

Шотландский исследователь путешествовал по самым опасным местам, иногда с женой и детьми, но ни разу не подвергся нападениям и везде вызывал к себе со стороны местных жителей огромное уважение.

«Мистер Горилла», одна из карикатур на теорию эволюции.



Генри Мортон Стэнли (1841—1904).

Будучи убежденным противником расизма, Ливингстон отмечал: «Когда я познакомился с чернокожими людьми настолько близко, что, глядя на лицо, забывал о цвете кожи, то я был поражен полным сходством некоторых туземцев с известными нашими европейскими знаменитостями».

Его бесстрашие и неуклонное следование цели восхищали современников. В одной из экспедиций он писал: «Я перенес многое: трудности, лишения, голод, болезни — в твердом убеждении, что стою на верном пути к цели — во что бы то ни стало довести до конца исследование истоков Нила. Полный надежд, спокойно стремился я к тому, чтобы исполнить этот нелегкий труд, выпавший на мою долю, не заботясь о том, выйду ли победителем в этой борьбе или погибну».

Главной целью своих путешествий Ливингстон считал не научные открытия, а

Водопад Виктория на реке Замбези, открытый Д. Ливингстоном.

искоренение рабства. Он мечтал познакомить туземцев с более прогрессивными способами земледелия, чтобы, тем самым, способствовать победе над голодом. Ученый вынашивал проект расселения в некоторых районах Африки английских бедняков и готов был пожертвовать ради этого значительной частью своих собственных, не самых больших, средств. Но английское правительство, как и русское в случае с Миклухо-Маклаем, не прониклось этой идеей.

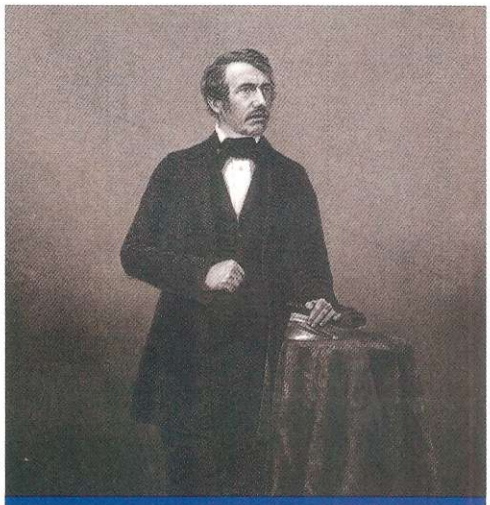
Совсем к другому типу путешественников принадлежал Генри Мортон Стэнли, журналист газеты «Нью-Йорк Геральд», отправившийся в экспедицию на поиски Ливингстона, исчезнувшего в африканских дебрях. Он достиг своей цели и нашел шотландского исследователя. Более того, в этом и двух других путешествиях он сделал немало важных географических открытий. Но не будет большим преувеличением сказать, что его путь был усеян трупами туземцев. Где Ливингстон действовал словом, Стэнли предпочитал оружие.

Убежденный расист, он не жалеет презрительных эпитетов и ярлыков для характеристики коренного африканского населения. Аборигены оказываются для него то трусливыми, то жадными, то жестокими, то глупыми, а вот добрых слов для них не находится. «Здоровый удар, плотно пришедшийся по их голым спинам, в одно мгновение возвращал им безумную деятельность», — так он обращался с африканцами, сопровождавшими его в путешествии.

Находясь на службе бельгийского короля Леопольда II, Стэнли фактически создал для него личную колонию, в которой безнаказанно процветали самые чудовищные злоупотребления. Несмотря на все неприглядные факты, имя Стэнли часто ставят рядом с именем Ливингстона.

Раздел мира

К несчастью, за путешественниками и исследователями, стремившимися к самым благородным целям, следовали разного рода негодяи. Получалось, что ученые слов-



Дэвид Ливингстон (1813—1873).

но прокладывали им путь, открывали новое поле для погони за наживой и связанных с этим преступлений. В конце концов, туда, где прошли отважные одиночки, являлись крупные корпорации и, наконец, государства.

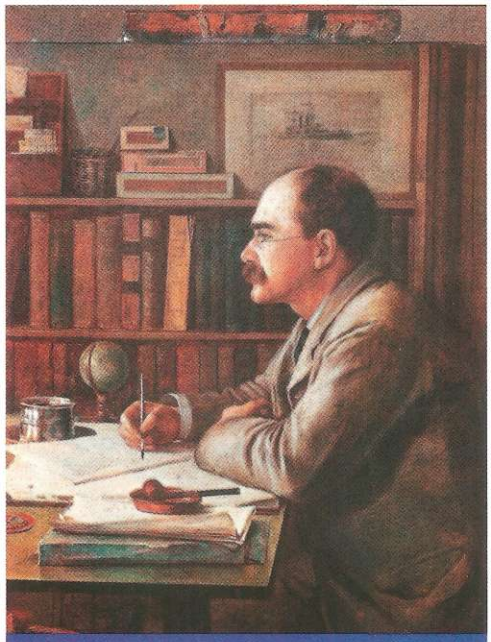
В XIX веке, в период расцвета империализма, ведущие европейские державы фак-

Карикатура: Великобритания и Германия делят Новую Гвинею.

тически занимались разделом мира. Удавалось урвать свой кусок и более мелким странам. К началу XX столетия площадь колоний в 20 с лишним раз превышала площадь Европы. Значительное меньшинство населения земного шара властвовало над остальными людьми. Независимых территорий «третьего мира» на карте практически не оставалось.

Конечно, в этой ситуации такой лакомый кусок империалистического пирога, как Новая Гвинея, не мог остаться непроглоченным. Шансов сохранить независимость практически не было. А голоса таких людей, как Миклухо-Маклай, первые лица слушать не желали.

«БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»



Писатель, лауреат Нобелевской премии Редьярд Киплинг (1865—1936).

«Бремя белого человека» — так называется знаковое для эпохи стихотворение Редьярда Киплинга, великого английского писателя и, вместе с тем, убежденного расиста и колониалиста. Вот его первая строфа (в переводе А. Сергеева):

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Далее следуют своеобразные напутствия колонизаторам: «Сей, чтобы твой подопечный щедрый снял урожай», «Заставь Болезнь отступиться и Голоду рот закрой», — и, наконец: «К тяжелой черной работе, Как раб, себя приневоль».

Если бы все белые люди, отправляющиеся в дальние страны, поступали в соответствии с этими пожеланиями! Конечно, среди них были и врачи, которые, рискуя жизнью, боролись с эпидемиями, и инженеры, строившие дороги и мосты, и миссионеры, искренне старавшиеся просвещать подопечных и облагораживать их нравы... Попадались честные администраторы, боровшиеся с такими дикими обычаями, как людоедство, с межплеменными войнами и рабовладением.

Но вместе с ними в колонии хлынул мутный поток авантюристов и торгашей всех мастей, готовых на любые преступления ради наживы. Туземцев спаивали, грабили, фактически обращали в рабство, а то и просто истребляли. Тут впору говорить о бремени черного человека! Миклухо-Маклай с горечью признавал, что в некоторых местах «убить черного все равно что собаку». Разумеется, он с этим не мирился, а «держал пистолет не против черных, а против белых, оскорблявших черного». «Все это ужасно... Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать?!» — негодовал Лев Толстой по поводу действий Великобритании в африканских колониях.

Генерал-губернатор острова Мадагаскар в портшезе.

Если вернуться к киплинговскому стихотворению, то обращает на себя внимание отношение к «подопечным», которые и людьми-то признаются только наполовину. Даже многие из тех, кто искренне хотел помочь «дикарям», считали их существами второго сорта, низшими расами, стоящими где-то между обезьяной и белым человеком. Миклухо-Маклай, открыто заявлявший, что «все расы равны между собой и имеют равные способности», выглядел на этом фоне едва ли не белой вороной. Его антропологические и этнографические исследования неопровержимо доказывали, что папуасы являются полноценной человеческой расой. А ведь в этом сомневались даже некоторые ученые.

Можно смело сказать, что наш герой действительно нес «гордое бремя», не настаивая на своем превосходстве, обращаясь с коренными жителями тех мест, где он побывал, как с равными, и, во многом, являясь образцом того, как более цивилизованный человек должен вести себя с отставшими в общественном развитии племенами. Его проект Папуасского союза был планом относительно естественного и безболезненного вхождения народов Новой Гвинеи в мировое цивилизационное русло. Но, увы, он остался на бумаге.

НАУКА И ПОЛИТИКА

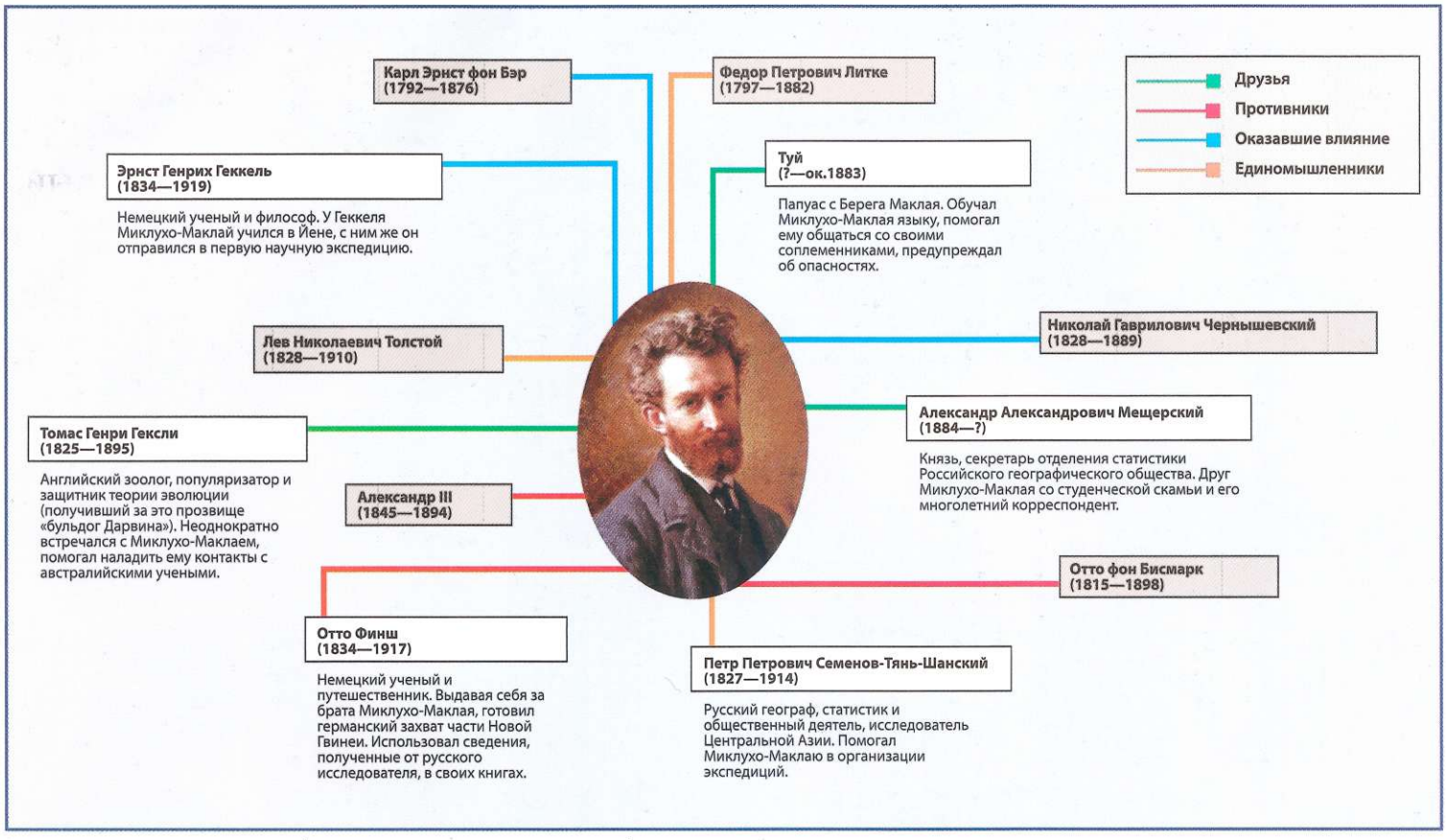
Порой наука и политика оказываются неразрывно связанными. ведь ученые давно уже не живут в башне из слоновой кости, и их исследования оказывают большое влияние на окружающий мир. И наоборот, порой политика вторгается в область науки, что редко идет на пользу последней. Миклухо-Маклай начинал как ученый, но, волей-неволей, оказался втянутым в общественную и политическую жизнь. Среди его друзей и недругов встречаются как коллеги по науке, так и сильные мира сего.

НАСТАВНИК: КАРЛ ЭРНСТ ФОН БЭР (1792—1876)

Карл Максимович Бэр (так его называли в России) родился в семье прибалтийских немцев, некоторое время жил и работал за границей, но бо́льшую часть жизни провел в нашей стране. Он выполнял географические исследования, объяснил закономерности подмыва речных берегов. Но самых крупных успехов этот разносторонний ученый добился в эмбриологии и сравнительной анатомии. Он является одним из основателей этих наук. А закономерности развития зародыша носят название законов Бэра. Всю жизнь Бэр высмеивал расистские теории, отстаивая единство человеческого рода. Интересно, что Карл Максимович пробовал свои силы даже в поэзии, а также исследовал гомеровскую «Одиссею» с точки зрения географа.

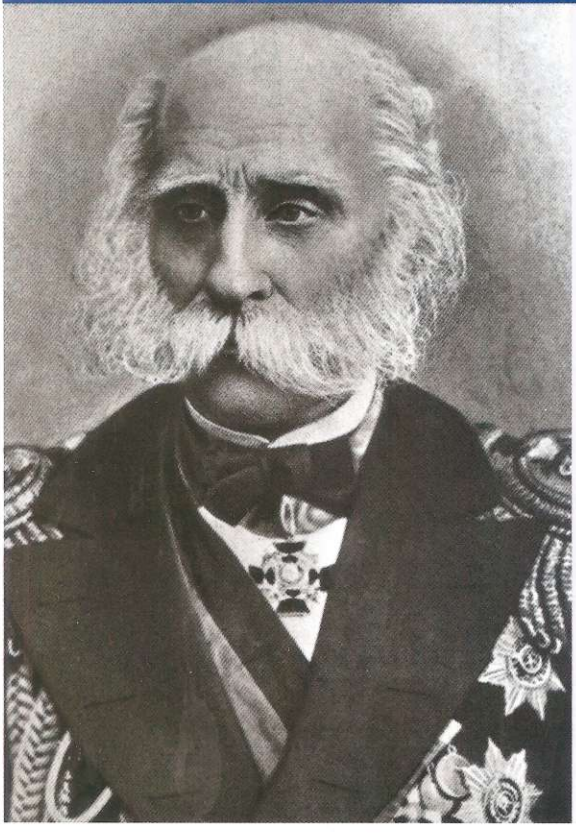
Бэр, пожалуй, больше других способствовал становлению Миклухо-Маклая как ученого. Именно ему он доверил исследование своей коллекции губок. Миклухо-Маклай порой позволял себе спорить с учителем, и Карл Максимович не только не обижался на такую «непочтительность», но и порой позволял себя переубедить. Он же поддерживал нашего героя в стремлении изучить тихоокеанские острова и во многом разработал программу исследований. Бэр, который и сам когда-то писал о папуасах, просил своего подопечного работать «без предвзятого мнения относительно количества и распространения человеческих племен и рас». Его часть программы путешественник реализовывал в первую очередь и, несмотря на свою нелюбовь к изложению результатов на бумаге, высылал их научному наставнику без промедлений. Миклухо-Маклай в своей работе старался следовать заветам Бэра, предостерегавшего от «заблуждений, в которые можно впасть, если постоянно принимать за действительность предположения вместо наблюдений».

КАРТА ЛИЧНЫХ СВЯЗЕЙ



О людях, чьи имена выделены серым фоном, в этом разделе рассказано подробнее.

УЧЕНЫЙ-АДМИРАЛ: ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ЛИТКЕ (1797—1882)



В жизни Федора Петровича Литке с юных лет было две страсти: море и наука. И ему удалось их совместить. Литке стал участником, а позже руководителем кругосветных путешествий, во время которых научные исследования стояли для него на первом плане. Особенно велики его заслуги в изучении арктических морей. Доводилось ему командовать и военно-морскими операциями. Литке почти два десятка лет возглавлял Российскую Академию наук и был вице-президентом Географического общества, созданного во многом его стараниями. За особые заслуги его возвели в графское достоинство, назначили членом Государственного Совета. Его имя носит множество географических объектов: полуостров, гора и залив на Новой Земле, острова в архипелаге Франца-Иосифа, пролив между Камчаткой и островом Карагинским. Золотая медаль имени Литке вручается выдающимся географам.

Поначалу Литке не доверял Миклухо-Маклаю, считая последнего едва ли не авантюристом. Но, к счастью, после личной встречи понял свою ошибку и изменил мнение. В судьбе нашего героя определяющую роль сыграло решение Литке ходатайствовать об отправке ученого на военном судне к новогвинейским берегам. Трудно представить, как сложились бы жизнь Миклухо-Маклая, прими старый адмирал другое решение. Велика роль Литке и в отправке клипера «Изумруд» на поиски путешественника.

ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦ: АЛЕКСАНДР III (1845—1894)

Император Александр III вошел в историю под именем Миротворца. При нем Россия не была втянута ни в одну войну, а ее международный авторитет существенно укрепился. Во внутренней политике царь, взошедший на престол после того, как народовольцы убили его отца, стремился к усилению самодержавия и существенно урезал гражданские свободы. Он достаточно внимательно относился к науке и искусствам, но автономию университетов, рассадников свободомыслия, фактически упразднил.

О том, что к исследованиям Миклухо-Маклая Александр III относился с интересом, а к самому ученому — с уважением, говорит тот факт, что Миклухо-Маклай дважды удостаивался царской аудиенции. Император заплатил немалые долги путешественника и распорядился об издании его трудов, но помогать в организации новых экспедиций не спешил. Прохладно он отнесся и к призывам Миклухо-Маклая взять под российское покровительство папуасов Новой Гвинеи, а также к идеям организации русской колонии.

На это у Александра III были свои причины. Вмешательство Российской империи в тихоокеанские дела значительно осложнило бы отношения с другими мировыми державами — прежде всего, Великобританией и Германией. Россию же в то время интересовало в основном происходящее в непосредственной близости от ее границ. Что же касается русского поселения на тихоокеанских островах, то почти социалистические принципы, на которых его собирался организовывать Миклухо-Маклай, шли вразрез с внутренней политикой царя.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР: ОТТО ФОН БИСМАРК (1815—1898)

Отто фон Бисмарк по праву считается одним из величайших в истории немецких государственных деятелей. Князь, первый канцлер Германской империи (Второго рейха), он получил прозвище «Железный канцлер» за несгибаемую волю и за проводимую им жесткую внутреннюю и внешнюю политику. Именно Бисмарк сыграл решающую роль в объединении «железом и кровью» разрозненных германских княжеств. При нем Германия одержала победу во франко-прусской войне и стремительно ворвалась в число ведущих мировых держав. Интересно, что будущий канцлер около четырех лет служил прусским послом в России и неплохо изучил нашу страну. А его противостояние с российским коллегой Александром Михайловичем Горчаковым легло в основу романа Валентина Пикуля «Битва железных канцлеров».

Некоторое время Бисмарк утверждал, что колонии — непозволительная роскошь для Германии. Однако позже он это мнение изменил, и уже в 1884 году немцы захватили значительные территории в Африке. На очереди была Новая Гвинея. Вскоре за заявлениями Бисмарка о необходимости защиты туземцев от несправедливой эксплуатации последовала аннексия Германией значительной части новогвинейской территории. Потрясенный таким лицемерием Миклухо-Маклай направил железному канцлеру телеграмму протеста от имени папуасов, но она не возымела действия. Ранее русский ученый предлагал Бисмарку, чтобы европейские правительства сообща взяли на себя защиту туземцев тихоокеанских островов от бессовестной эксплуатации. Увы, его адресат предпочел другой путь.

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1828—1889)

В романе «Что делать?» Чернышевский называет одного из персонажей, Рахметова, особенным человеком. Это определение можно применить и к самому писателю. Даже враги, считавшие идеи и литературную деятельность Николая Гавриловича крайне вредной, отзывались о нем как об удивительно светлой и чистой личности. Человек большого ума и образованности, крайне непритязательный в быту, он не обладал ораторским даром или выдающейся внешностью. Но общение с Чернышевским оставляло неизгладимый след в душах людей, с ним встречавшихся. Его книги, написанные простым языком и без каких-то эффектных приемов (особенно роман «Что делать?», который сейчас бы назвали культовым), перевернули сознание многих молодых людей того времени. К сожалению, власти предпочитали на слово отвечать репрессиями, поэтому писатель много лет провел на каторге и в ссылке.

Идеи Чернышевского оказали огромное влияние на юного Миклухо-Маклая. Обучаясь за границей, он просил мать прислать фотографию Николая Гавриловича, носил ее при себе, сделал с нее рисунок. Тогда же он пытался собрать средства для помощи ссыльному писателю. Проект русской колонии на тихоокеанских островах также во многом опирался на утопические теории Чернышевского.

Кстати, прототип Рахметова, Павел Александрович Бахметев, оставив свое состояние Герцену на революционную деятельность, в 1857 году отправился куда-то на южные острова, чтобы создать там колонию-коммуну. К сожалению, дальнейшая судьба этого начинания неизвестна.

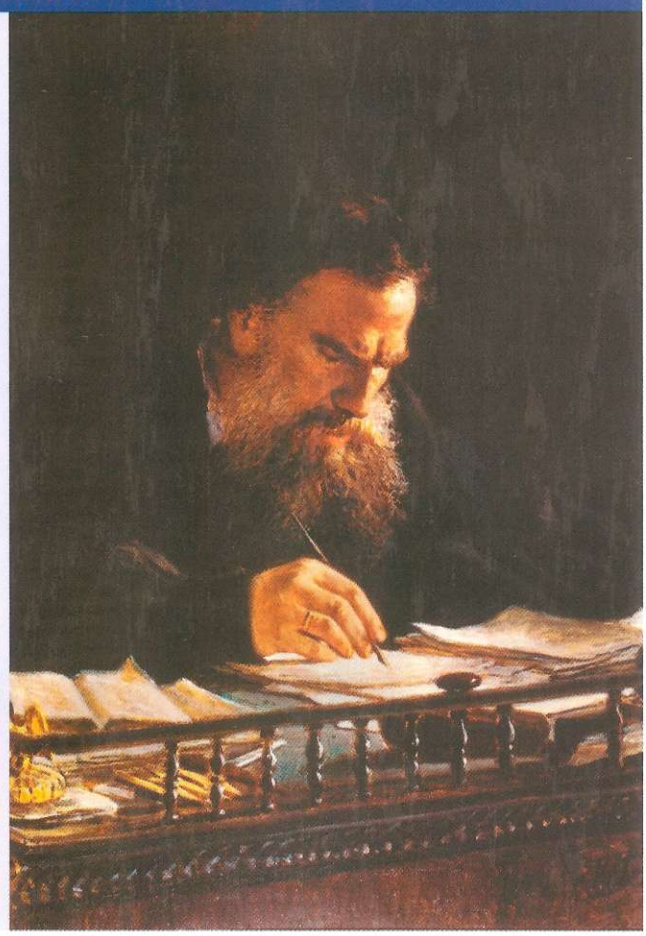
ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ: ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1828—1910)

Наверное, нет в России человека, которому нужно объяснять, кто такой Лев Толстой. Его значение и как писателя, и как мыслителя, и как общественного деятеля для отечественной и мировой культуры невозможно переоценить.

В целом скептически относившийся к науке, Лев Толстой в деятельности Миклухо-Маклая нашел отражение и практическое подтверждение своих идей о непротивлении злу насилием, изначальной доброте человеческой природы, равенстве людей. «Умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают», — писал он ученому. И далее: «Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом». Писатель приглашал путешественника посетить Ясную Поляну.

В ответном письме Миклухо-Маклай благодарил писателя за поддержку и признавался, что «письмо не только было для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях». Он также надеялся на личную встречу, которая, увы, не состоялась из-за его скорой смерти.

Толстой живо интересовался проектом создания русской колонии на тихоокеанских островах, основные принципы которой согласовывались с его убеждениями. Осуждая действия колонизаторов, он в качестве примера доброго отношения к туземцам приводил Миклухо-Маклая.



ГРАЖДАНИН МИРА

В 1996 году, в год стопятидесятилетия со дня рождения Миклухо-Маклая, ЮНЕСКО назвало его Гражданином мира. Едва ли найдется много людей, заслуживающих это почетное звание больше него, никогда не судившего о людях по их расовой, религиозной или какой-либо другой принадлежности. В современном мире многие мечты великого путешественника начинают обретать реальность.

Долгий путь к свободе

Остров Новая Гвинея был открыт португальскими мореплавателями в 1526 году. Они назвали эту землю Папуа, что в некоторых индонезийских языках означает «кучерявый» (характерный признак местных жителей). В XVI веке испанцы переименовали остров в Новую Гвинею — то ли потому, что его побережье напоминало мореплавателям берега африканской Гвинеи, то ли, усмотрев сходство между гвинейцами и островитянами. Позже часть новогвинейской территории захватили голландцы.

Французский мореплаватель Жюль Дюмон-Дюрвиль (1790—1842).

Исследованием этого второго по величине острова Мирового океана занимались многие великие мореплаватели — в частности, Абель Тасман, Джеймс Кук, Дюмон-Дюрвиль. Последний нанес на карту залив Астролябии (названный так в честь его судна), где и находится Берег Маклая. К XIX веку береговая линия острова была хорошо изучена, но оставаться там сколько-нибудь продолжительное время и отправляться вглубь ни ученые, ни колонизаторы долгое время не решались.

В конце XIX века Новую Гвинею поделили между собой Голландия, Германия и Великобритания. Последняя позже передала свою часть Австралии. После Первой мировой войны Австралии досталась и немецкая часть острова. В начале Второй

Танец папуасов с раскрашенными лицами.

«Ценить людей надо по тем целям, которые они перед собой ставят»

мировой войны Новую Гвинею оккупировали японцы. Несмотря на сложные отношения с австралийскими колониальными властями, папуасы встали на их сторону. Около 5000 коренных жителей воевали в армии союзников. Другие же выполняли роль проводников, санитаров, находили и спасали летчиков сбитых самолетов, доставляли раненых в госпитали. За это австралийские и американские солдаты называли их «курчавыми ангелами».

Планировавшееся объединение острова было сорвано в 1961 году, когда Индонезия захватила его западную часть. Вторжение сопровождалось этническими чистками и депортациями. Место папуасов занимали яванские переселенцы. Эта часть острова находится под властью Индонезии до сих пор. Австралийская же часть в 1973 году получила самоуправление, а 14 сентября 1975 года — и полную независимость. Мечта Миклухо-Маклая сбылась почти через 100 лет.

Флаг Папуа — Новой Гвинеи.

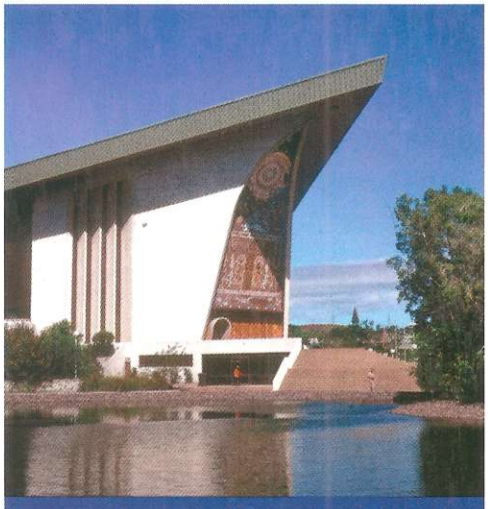
Папуа — Новую Гвинею называют островом райских птиц. Райская птица изображена и на ее флаге. Флора и фауна острова исключительно богата. Не обделена страна полезными ископаемыми. Там есть золото, серебро, медь, нефтяные месторождения... Так что все предпосылки для процветания налицо — теперь дело за потомками друзей Миклухо-Маклая. Превратится ли Папуа — Новая Гвинея в действительно райский остров, зависит только от них.

Старинная открытка с Новой Гвинеей.

Эра равноправия?

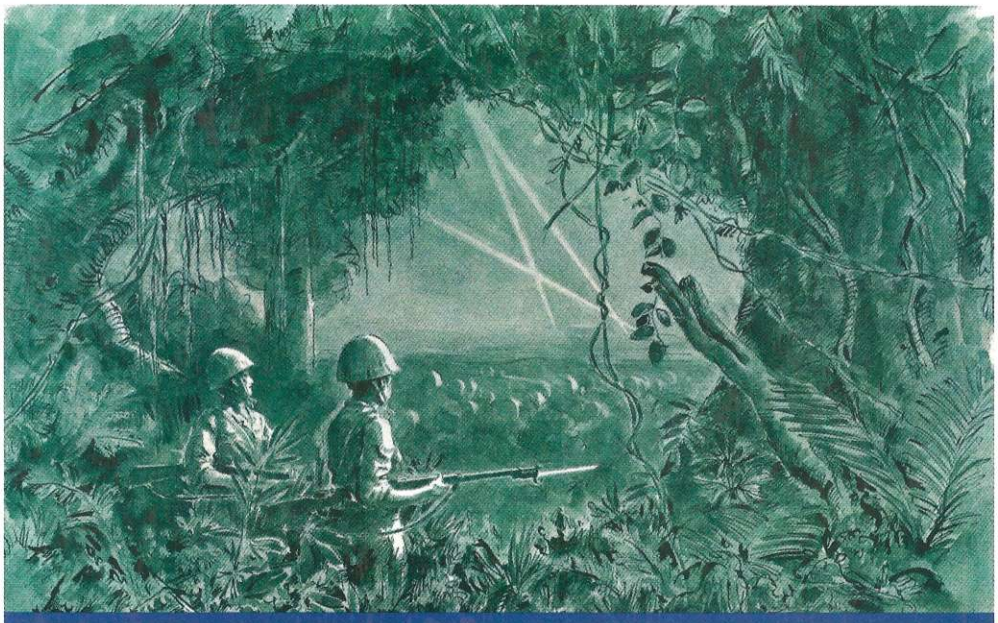
Самосознание народов, находящихся под властью колониалистов, со временем возрастало — как на стихийном уровне, так и оформленное в целые концепции. Одна из таких концепций получила название негритюд. Главный ее постулат — самодостаточность и самобытность негроидной расы. Эта теория направлена против однозначного приоритета европейских ценностей и говорит об особой роли негритянских народов. Кое-где она стала идеологической основой для черного расизма.

Расизм в последнее время, хотя и не имеет государственной поддержки и официально осуждается везде, кроме разве уж совсем одиозных режимов, никуда не исчез, особенно на бытовом уровне. Но если раньше он был только белым, то теперь имеет разные цветовые оттенки. Помимо белого и черного, существуют и желтый расизм, и индианизм, высшей расой объявляющий потомков индейцев.



Парламент Папуа — Новой Гвинеи в Порт-Морсби.

Колоний в современном мире почти не осталось. Но попытки насильно осчастливить целые народы и государства периодически предпринимаются. Только теперь им при помощи оружия несут не слово Божье или цивилизацию, а демократию. И результаты порой бывают почти столь же плачевны. Ведущие мировые государства больше не завоевывают себе «заморские территории», однако из стран, сравнительно недавно обретших независимость, продолжают выкачиваться ресурсы, а их экономика порой целиком зависит от бывших метрополий и их крупных корпораций.



Японские солдаты в Новой Гвинее.

Формально все люди и государства равны, но население Земли делится на так называемый «золотой миллиард», живущий в изобилии, и всех остальных. Во многих странах третьего мира до сих пор не побеждены ни голод, ни некоторые болезни, с которыми медицина давно научилась справляться.

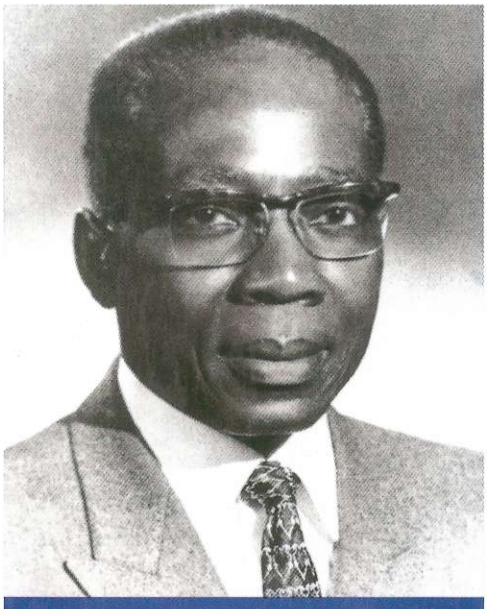
А значит, таким людям, как Миклухо-Маклай, остро чувствовавший несправедливость и стремившийся помочь слабому, можно будет успокоиться еще нескоро.

Этнография сегодня

К концу XX века постепенно стало очевидно, что культура каждого народа неповторима и самоценна, а ее утрата является потерей для всего человечества. Современные этнографы стараются как можно больше узнать о быте и верованиях различных народов и племен, по крупицам собирают их легенды и сказания. Увы, время во многом было упущено. Культура многих племен, как порой и ее носители, не выдержали столкновения с европейской цивилизацией. К примеру, на знаменитом острове Пасхи не осталось ни одного человека, владеющего древней письменностью ронго-ронго, а расшифровать записи, выполненные на этом языке, не получается даже с помощью современных компьютеров. Работа этнографа сейчас иногда напоминает работу археолога, по осколкам пытающегося воссоздать целое.

Народностей, не затронутых современной цивилизацией, ныне практически нет на планете. А те, что сохранились, живут в труднодостижимых местах (вроде амазонских джунглей) и зачастую находятся на грани исчезновения. Пришельцев они, как правило, не жалуют.

Для этнографических исследований чаще используется так называемый экспедиционный метод, когда ученые проводят среди изучаемого народа непродолжительное время, делая записи и съемки. Стационар-



Леопольд Сенгор (1906—2001), первый президент Сенегала, один из создателей концепции негритюда.

Плакат Ираклия Тоидзе «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

ный же метод (им пользовался Миклухо-Маклай), при котором исследователь живет среди изучаемых в качестве почти полноправного члена туземного коллектива, применяется редко. Он сопряжен с большими трудностями и опасностями. К тому же далеко не каждому ученому туземцы доверяют так, как папуасы доверяли тамо-русу. Подобное отношение к себе нелегко заслужить.

Иногда случается, что этнографические труды оказывают существенное влияние на жизнь цивилизованного общества. Знаменитая американская исследовательница Маргарет Мид изучала народы Полинезии (где в свое время путешествовал и Миклухо-Маклай). Вышедшая после ее экспедиции книга «Взросление на Самоа» стала бестселлером. В ней Мид пришла к выводу, что в традиционном обществе отсутствуют конфликты поколений и трудности в социализации подростков. Эта работа сыграла значительную роль в формировании некоторых молодежных суб- и контркультур, а также в сексуальной революции. Впрочем, другие ученые, побывавшие среди тех же народов, сомневаются в объективности полученных Мид результатов.

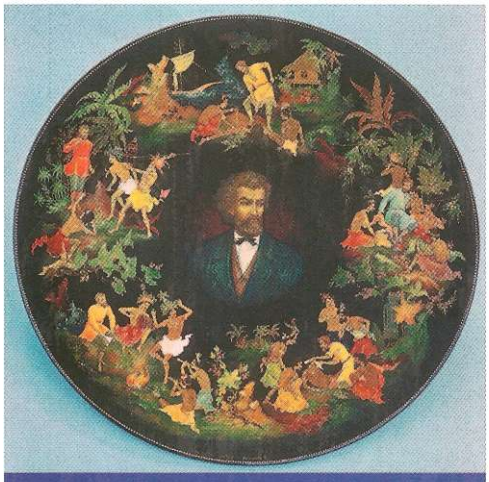
Внук ученого, Робертсон Маклай, рядом с бюстом деда в Институте этнографии.

Память о тамо-русе

«Пришел Маклай и сказал нашим предкам: каменные топоры не острые, они тупые. Бросьте их в лес, они не годятся, тупые. Маклай дал им железные ножи и железные топоры...» — так начинается сложенная папуасами легенда о тамо-русе, записанная этнографами в начале XX века. В языке аборигенов Новой Гвинеи долго сохранялись названия «топор Маклай», «тыква Маклай», «банан Маклай» и т. п. А о правдивости русского ученого и его умении выполнять обещания сложилась поговорка: «Слово Маклая одно».

О путешественнике помнят здесь до сих пор. По свидетельствам людей, посещавших Папуа — Новую Гвинею уже в новейшее время, при слове «Россия» местные жители сразу вспоминают Маклая, говоря о нем так, будто он уехал совсем недавно. Так могут помнить только о необыкновенном человеке и настоящем друге.

Чтут память знаменитого исследователя и в украинском городе Малине. Там находилось родовое имение и дом семьи Миклух, к сожалению, разрушенный в годы последней войны. Во время кратких визитов на Родину Миклухо-Маклай обязательно старался заезжать сюда. Здесь похоронены мать и один из братьев ученого. Здесь же после смерти мужа провела лето с детьми Маргарита Робертсон, прежде чем навсегда уехать в Австралию. В Малине несколько раз собирались австралийские потомки исследователя, чтобы почтить память знаменитого предка. Нашего соотечественника знают и на зеленом континенте, где он успел оставить добрую память. Как



Тарелка с росписью «Миклухо-Маклай» работы палехского художника В. Г. Астахова.

вспоминают родственники, однажды в Австралии произошла знаменательная встреча внука ученого и внука его помощника Ахмата, которого по странному стечению обстоятельств звали Туй.

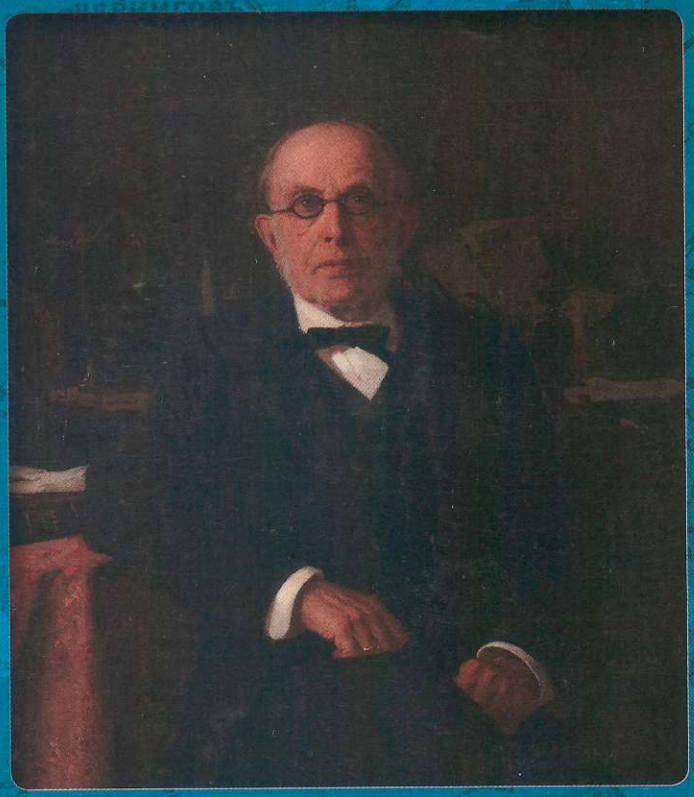
Не забывают великого путешественника и в нашей стране. Наверное, ни об одном исследователе не написано столько научно-

Советская почтовая марка с изображением Миклухо-Маклая.

популярной литературы. О его жизни снято несколько художественных фильмов. В честь Миклухо-Маклая названы улицы, ему установлены памятники в разных городах. Его имя носит Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, а 17 июля, в день рождения ученого, этнографы отмечают свой профессиональный праздник.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

100 НАША ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ИМЕН



КОНСТАНТИН ПОБЕДОНОСЦЕВ

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ

ISSN 2076-7137

9 772076 713771 00034

DeAGOSTINI